

Воющие псы одиночества

Автор:

Александра Маринина

Воющие псы одиночества

Александра Маринина

Каменская #26

Преступление – зеркало, в котором отражается преступник. Анастасия Каменская твердо уверена в этом. Если взглянуть в детали и обстоятельства преступления, то можно уверенно говорить о том, что за человек преступник. Восемь убийств юношей и девушек, совершенных в разное время и разных местах, – часть одного плана. В этом Каменская тоже не сомневается. Она вычислила, что объединяет этих непохожих друг на друга молодых людей. Теперь надо вычислить того, в чьей голове созрел этот чудовищный план. А вот здесь надо подумать о причинах, заставляющих преступать закон. Ведь на самом деле их не так уж и много: месть, зависть, алчность... Или одиночество, мучительное испытание, выпадающее на долю человека, когда кажется, единственное спасение – это обречь другого на те же мучения, что выпали тебе...

Александра Маринина

Воющие псы одиночества

В Москве расположено несколько учебных заведений МВД России. Академия, описанная в этой книге, является собирательным образом, и все совпадения совершенно случайны.

Глава 1

Господи, если бы знать, что на самом деле это так страшно, так невозможно страшно... Или не Господи, а дьявол? Или кто там еще искушает нас, обещая, что один раз будет очень тяжело, зато потом все наладится, и в следующий раз уже не так страшно, а потом легче, и легче, и легче... А главное – после этого первого раза сразу же все встанет на свои места, тяжесть упадет с плеч, и ты поймешь, что все было не зря, не напрасно. В первый раз так и случилось, тяжесть упала, и стало легко дышать, и можно было снова поднять голову и жить дальше, и казалось, что второй раз будет легче. Но во второй раз все равно страшно.

А в третий?

– Со мной никто еще так не разговаривал...

Эти последние слова все еще звучат в ушах, и этот последний взгляд, доверчивый, восхищенный, все еще прожигает мне щеку, хотя сами глаза уже мертвы, и голос, теплый и чуть удивленный, никогда больше не вырвется из этой гортани, заключенной в нежную оболочку белой кожи, покрывающей шею. И уже другой голос, властный, пугающий, набирает силу в воспаленном мозгу, напоминая: мне все равно, как ты убьешь, но на теле должна остаться метка – розовый шелковый бантик, приколотый к волосам.

Бантик лежит в кармане, приготовлен заранее. От ужаса происходящего пальцы внезапно обретают какую-то сверхчувствительность, и шелковая ткань кажется на ощупь шершавой и жесткой, как наждачная бумага. Мелькает несуразная мысль о том, что продавщица в галантерейном отделе универмага обманула и подсунула вместо шелковой ленты дешевую синтетику. Надо перестать думать и довести дело до конца.

Приколоть бантик к волосам. Достать заколку-невидимку, которая никак не выковыривается из карманного шва. Нагнуться. Дотронуться до пряди волос. Мертвая прядь. Мертвых волос. На мертвой голове мертвого человека. Зажмуриться, ничего не видеть, потом открыть глаза и убедиться, что это только сон...

* * *

А вода в ванной все шумела и шумела. Георгий недовольно поморщился, переменял позу, высвобождая затекшую ногу, огляделся в поисках телевизионного пульта. Вечно она засовывает его в самые неожиданные места и потом подолгу ищет, разбрасывая все, что попадает на пути. Зачем он тут сидит? Чего дожидается? Сейчас она выйдет из ванной и... Что? Кинется к нему в объятия? А потом, удовлетворенная и притихшая, снисходительно спросит, какой подарок он хотел бы получить к Пасхе? Ничего этого не будет, потому что сегодня она не в настроении. Сегодня она опять... Появилась среди ночи, взбудораженная, нервная, бросила, выходя из машины, косой взгляд на Георгия, терпеливо сидевшего возле ее дома на скамейке.

– Зачем ты здесь? – спросила сквозь зубы, полуобернувшись через плечо. – Я тебя не звала.

– Мы давно не виделись, – виновато пробормотал он.

– Ну и что? Это дает тебе право меня караулить? Ты должен приходить только тогда, когда я тебе звоню и мы договариваемся. Сколько раз нужно повторять, чтобы ты наконец запомнил?

– Я могу войти? – покорно вздохнул он.

В тот момент он еще надеялся, что она просто задержалась в гостях, ездила куда-то далеко, потому и вернулась поздно. Войдя следом за ней в квартиру, заметил при ярком свете запавшие страшные глаза, обведенные серыми полукружьями, и понял, что все повторяется. Ярко-алые узкие брючки в точности совпадали по цвету с губной помадой и мягкой кожей, из которой сделана изящная сумочка, все остальное в ее облике было черным вплоть до лака на ногтях и украшений с ониксами. И такими же черными и жуткими были ее глаза. Ведьма, прилетевшая с шабаша. Единственной вещью, выпадавшей из образа, был пакет, обычный пакет из супермаркета, в таких покупки носят.

Она бросила пакет прямо у двери, словно тут же забыв о нем, и молча ушла в ванную. Георгий знал, что теперь она будет долго стоять под душем, словно не моется, а отмывается от чего-то липкого и мерзкого, потом нальет воду в ванну, бросит ароматические и расслабляющие соли и будет лежать не меньше

получаса, потом выйдет, обернутая большим полотенцем, пройдет, не говоря ни слова, в спальню и закроет за собой дверь. Она не будет спать, нет, просто полежит минут тридцать-сорок. Потом выйдет и спокойно и твердо потребует, чтобы он ушел. Никакой близости, никаких ласк, никаких разговоров. Он покорно уйдет и станет ждать ее звонка, но позвонит она не раньше чем через две недели. Так уже было раньше несколько раз. Она ничего не объясняет и ни за что не просит прощения, она просто делает так, как считает нужным и как ей удобно, а он терпит, потому что у нее есть деньги. А у него их нет.

Зачем он тут сидит? Чего ждет? Очередной подачки в виде модной куртки или стильных часов? Честно говоря, было бы очень кстати, но сегодня, совершенно очевидно, не обломится ему. Ждать придется как минимум две недели, а ведь уже тепло и носить зимнюю куртку как-то не по сезону. А если не ждать? Если попробовать не пойти у нее на поводу? Ну что она сделает? Убьет его? Кишка тонка. Выгонит? Так она и без того его выгонит, только не сразу, а когда выйдет из спальни. Чем он рискует?

Ноги снова затекли, Георгий поднялся, немного походил по комнате, чтобы размяться, дошел до окна, выглянул на улицу, сделал несколько шагов к входной двери и споткнулся о брошенный пакет. С досадой пнул его ногой и наклонился, чтобы поднять. Из пакета выпала черная вельветовая куртка. И что-то непонятное, лохматое. Парик? Да, парик. Длинные каштановые кудри, слегка отливающие медью. Странно... Зачем ей парик? Совсем недавно она постриглась. Зачем было стричься, если ей нравятся длинные волосы? Оставила бы как есть. Чепуха какая-то. Вечно она пытается сделать себя получше, попривлекательнее, то с прическами мудрит, то с макияжем, то с одеждой, хочет выглядеть моложе и сексуальнее. А зачем? Кому она нужна-то, кроме него, Георгия? Кто на нее позарится?

Хотя... ведь ездила же она куда-то. Для кого-то надевала и парик этот патлатый, и молодежного покроя куртку. Неужели нашелся любитель несвежего тела? И ведь это уже не в первый раз.

Он еще раз с силой ударил по вывалившемуся из пакета содержимому, парик взмахнул крыльями-локонами, отлетел и приземлился на пороге комнаты, а куртка испуганно забила в угол.

Решительно рванув ручку двери, Георгий вошел в ванную. Что ни говори, а выглядит она очень даже прилично для своих лет, подумал он, имея в виду,

конечно же, не ванную комнату, а находившуюся в ней женщину.

– Где ты была? – громко спросил он, стараясь при помощи децибел придать себе храбрости. – Мне надоели твои постоянные отлучки.

– Ничем не могу помочь, – равнодушно бросила она. – Если что-то надоело тебе, то это проблема твоя, а не моя.

– Так все-таки, где ты была?

– Там же, где всегда.

– Где это? – он немного растерялся, не ожидая такого ответа.

– Это не твое дело. Ты проводишь со мной несколько часов в неделю, все остальное время я живу своей жизнью, о которой я тебе не обязана рассказывать. Выйди, пожалуйста, и не мешай мне.

– У тебя кто-то появился?

– Это не твое дело. Мы с тобой не живем вместе, ты всего лишь приходящий любовник и моим временем не распоряжаешься. Я бываю там, где хочу, и тогда, когда хочу. И, если уж на то пошло, с тем, с кем хочу. Не понимаю, что тебя не устраивает.

Она даже не повернула голову, так и лежала, вытянувшись в ванне и подняв лицо, будто разглядывая что-то на потолке.

– Я понял. – Георгий сделал над собой усилие, чтобы не ответить грубостью, за которую ему пришлось бы потом дорого заплатить. – Я не прошу, чтобы ты передо мной отчитывалась...

– Было бы странно, – презрительно фыркнула она.

– Но я могу спросить хотя бы просто из любопытства? Мы все-таки не чужие с тобой, правда? Ты приходишь в два часа ночи, напряженная, взбудораженная, сама на себя не похожая, со мной не разговариваешь, даже видеть меня не

хочешь. Так было и в прошлый раз, месяц назад, я помню. И в декабре, перед Новым годом. И осенью было. Я ничего не требую, я просто хочу знать, откуда ты возвращаешься в таком... непонятном состоянии.

Она соизволила повернуть голову, подняла над розовой от ароматических кристаллов водой одну руку, пошевелила пальцами в воздухе, рассматривая маникюр. Потом проделала ту же манипуляцию с другой рукой. Ногти были длинными, покрытыми черным и красным лаком: на черном поле красная полоска по диагонали. «Ей не идет, – подумал Георгий. – Молодым девчонкам черный цвет придает сексуальность, а ее он уже старит. Неужели сама не видит?»

– Я бываю там, где получаю удовольствие, – негромко ответила она, снова уставившись в потолок. – Более того, я получаю наслаждение, такое наслаждение, какое тебе и не снилось. Самое острое и самое глубокое наслаждение, какое только можно вообразить.

– Ты что, не понимаешь, что в твоём возрасте это очень опасно?! – взорвался Георгий. – Тебе уже не семнадцать лет!

– Ты о чем? – Она слегка удивилась, но, однако, не настолько, чтобы все-таки посмотреть на него.

– Ты ведь наркотики употребляешь, да? Я угадал? Что ты делаешь? Нюхаешь кокаин? Или колесами заправляешься? Или уже колешься? У тебя что, совсем мозги отшибло, не соображаешь ничего, да? Забыла, сколько тебе лет?

Он еще успел проорать несколько столь же гневных слов, когда вдруг понял, что она его не слушает. Она хохочет. Громко, немного истерично, даже как-то надрывно. Теперь она сидела в ванне, полуобернувшись к нему, положив руки на бортик и уткнувшись в них лицом. Внезапно смех оборвался. Она подняла голову и посмотрела на Георгия так, что ему стало не по себе. Глаза ее были еще более страшными, а лицо еще более бледным, чем полчаса назад, когда она пришла.

– Я все помню, мальчик, – медленно произнесла она. – И про свой возраст, и про твой, и про свои деньги, и про твои. В твоей убогой головке живет скудный набор представлений, которыми ты и руководишься в своей скудной жизни массажиста. Ты думаешь, что единственный источник настоящего наслаждения

это наркотики? Мне жаль тебя, мальчик. Ты не знаешь и никогда не узнаешь истинных глубин наслаждения и восторга, потому что они недоступны твоей скудной, убогой душонке.

Она сделала короткую паузу и вдруг завопила:

– Убирайся! Вон отсюда! И не смей за мной следить и задавать мне вопросы!

Георгий испуганно шарахнулся к двери, он не ожидал такого перепада громкости. А она продолжала спокойно и холодно:

– Иди домой. Придешь, когда я разрешу. Будешь хорошо себя вести, подарю тебе что-нибудь... Какой у нас там ближайший праздник? Пасха, что ли? Вот на Пасху и подарю, если будешь умником. Пошел вон отсюда.

«Старая шлюха, – злобно твердил про себя Георгий, натягивая куртку и захлопывая за собой дверь. – Сволочь! Истеричка! Хамло! Почему она смеет так со мной разговаривать? И главное, почему я ей это позволяю? Почему она не боится, что я ее брошу? Откуда у нее такая уверенность, что на мое освободившееся место тут же выстроится очередь из претендентов? Смотреть не на что, а туда же... Или у нее денег больше, чем я думаю? Гораздо, гораздо больше, просто она не хочет это афишировать, потому и квартира у нее самая обыкновенная, и машинка у нее скромненькая, и не швыряет она купюры направо и налево, а бережет, копит. Много у нее денег, ох, много, и она твердо знает, что на эти деньги она сможет купить себе любого мужика, который понравится. Но если это так, если так, то... Надо все обдумать. Если она действительно не просто состоятельная стареющая дама, а очень и очень богатая дама, то это мой шанс, который я могу использовать на все сто, а могу бездарно профукать. Лучше, конечно, первое, чем второе».

* * *

Она любила ночной город. Так было не всегда, росла она правильной городской девочкой, которую родители оберегали и запрещали возвращаться домой за полночь. Любовь к ночному городу возникла во время первой длительной заграничной командировки, когда ей пришлось три года прожить с мужем в Индии. Днем в многолюдном и заполненном звуками и запахами Дели она задыхалась и

глохла, и только ночь приносила некоторое облегчение. Тогда она и привыкла строить свою жизнь так, чтобы днем спать, а ночью работать. Посольской переводчице, разумеется, никто такой вольности не давал, но все равно она как-то устраивалась, стараясь дремать в любую, не заполненную работой минуту, набираясь сил к наступлению вечера и лишь часов в одиннадцать начиная дышать полной грудью. В пять утра, когда город просыпался, принимаясь источать жару, звуки и запахи, она засыпала и крепко спала до девяти. Этого ей хватало, чтобы продержаться рабочий день, не делая заметных ошибок и не допуская грубых промахов.

По возвращении домой она научилась любить ночную Москву, а во время второй командировки – на этот раз со вторым мужем, во Францию – прониклась прелестью ночного Парижа.

Она давно научилась мало спать, и даже теперь, когда не было возможности поменять местами день и ночь, ложилась поздно, часа в три.

«Нет, я не Элеонора, – привычно подумала она, воспользовавшись паузой в движении, чтобы посмотреть на себя в зеркало. – И не Нора. И не Элла. Я – Аля, простая Аля. Эллой я была много лет назад, когда щечки были тугими, а глазки – ясными и радостными. Потом, спустя лет десять, я вполне годилась для Норы, элегантно одетая, вся в заграничных шмотках на зависть приятельницам, пахнувшая изысканным парфюмом. А теперь я – обычная домохозяйка. Я по-прежнему элегантно и дорого одета, и духи у меня все такие же изысканные, и тремя иностранными языками свободно владею, но зеркало не обманешь. Годы идут и стирают наносную глупость, навешанную на меня родителями вместе с иностранным именем, и за всей моей светскостью сути не скрыть. Аля. Может быть, даже Алевтина. Но уж никак не Элеонора. Морщин-то, господи! Мили, версты, парсеки. Седина, хотя и умело покрашенная, но я-то знаю, что она есть. Какой смысл себя обманывать?»

Она хорошо знала тот перекресток, на котором сейчас стояла. Или сидела? Интересно, если ты сидишь в машине, а машина стоит, то какой глагол, согласно канонам русского языка, нужно применить? Это как в старом анекдоте про тюрьму: лежишь ты на нарах или ходишь по камере, ты все равно сидишь. Что это ей мысли про тюрьму в голову пришли?

Некстати. Не нужно это. Нельзя беду кликать.

На этом перекрестке, к которому она всегда подъезжала со стороны второстепенной дороги, подолгу горел красный свет, отдавая преимущество тем, кто двигался по проспекту. В ночное время такой режим был бессмысленным, машин все равно мало, но она привыкла и не раздражалась. Более того, всегда на этом самом месте доставала зеркальце с четырехкратным увеличением, ехидно выставляющим напоказ все, даже самые малюсенькие дефекты внешности, и рассматривала свое лицо. И думала о том, что она не Элла и не Нора.

Светофор милостиво мигнул, дескать, ладно, так и быть, проезжайте, второстепенные водилы, только быстренько-шустренько, не спите на ходу, благосклонность моя ненадолго, давайте шуруйте по своим второстепенным делам и не задерживайте главных. Аля быстро сунула зеркальце в лежащую на пассажирском сиденье сумочку и тронулась.

Когда парковала машину возле дома, на часах было без четверти три. Она подняла глаза к окнам и недовольно поморщилась. Свет на кухне горит, но это ладно, легли спать и выключить забыли, это в ее семействе частенько случается. Но свет горит и в комнате Дины. Паршивая девчонка, опять не спит допоздна, дурью мается. В Интернете, что ли, торчит? Или снова глупостями своими опасными голову забивает?

Войдя в квартиру, она скинула туфли и заметила мокрые следы. Нагнулась, пощупала пальцем – совсем свежие. Рядом стояли туфли Дины, больше похожие на домашние тапочки: мягкие, без каблуков, на тонкой подошве и со слегка приподнятыми носами. Аля подняла их, посмотрела внимательно – так и есть, влажные. Куда она ходила? Откуда только недавно вернулась? Ох, не доведут до добра эти ночные гулянки!

Она прошла на кухню, хотела выпить чаю. Чайник был еще горячим.

Кто-то совсем недавно его кипятил. Кто-то... Понятно, кто. Дина, конечно. Остальные спят давно. Поговорить с ней, что ли? Да ведь слушать не станет. Кто ей Аля? Даже не родственница, если по формальным признакам. Так, непонятно кто.

Нажала кнопку на чайнике, чтобы приготовить заварку так, как она любит: кипятком, в строго выверенной пропорции и с ломтиком лимона.

Истинные ценители чая за такую заварку покрыли бы ее несмываемым позором, но Але было наплевать. И на ценителей, и на позор. Ей вообще уже давно было наплевать на то, что подумают другие.

Чай получился бледным и прозрачным, с четко определяемым вкусом жасмина и легкой терпкостью. Аля сделала первый глоток, блаженно зажмурилась и почувствовала, как начинает размягчаться и оттаивать замерзший где-то в груди ком напряжения. После таких вечеров, как сегодня, у нее всегда внутри что-то замерзало, или каменело, или сжелезивалось, как она сама определяла это неприятное состояние, в котором присутствовали и чувство вины, и брезгливость к себе самой, и отчаянные попытки найти себе оправдание, и горькая очевидность бессмысленности и бесплодности этих попыток.

Скрипнула дверь, тяжелые, но тихие шаркающие шаги зашептали что-то невнятное: не то «я иду к тебе», не то «пойду в туалет и снова лягу». На пороге кухни возникла Дина в очередном невероятном балахоне, с распущенными спутанными волосами и подсвечником в руках. Свеча в подсвечнике была новой, только что зажженной. Все понятно, подумала с раздражением Аля, сейчас начнет проталкивать свои безумные идеи и «лечить» тетку.

– Ты почему не спишь? – Она решила перейти в атаку прежде, чем племянница приступит к делу.

Иногда такая тактика помогала. Но не в этот раз. К сожалению.

– А ты где была? Ты ведь тоже не спишь. Ты считаешь нормальным приходить в три часа ночи?

– Ну, положим, ты сама только недавно явилась, так что не надо, ладно?

Аля пока еще старалась быть миролюбивой. В конце концов, девчонка не сделала ей ничего плохого, и разве она виновата, что на семью обрушилось горе и что она потеряла мать, и уродилась она до такой степени не красавицей, что просто удивительно. Отсюда и странности. Однако же до тех пор, пока странности проявляются в рамках семьи и квартиры, это еще ничего, а вот если они начинают затрагивать внешний мир и его обитателей, это может оказаться опасным.

Дина аккуратно поставила подсвечник с горящей свечой на середину стола и села напротив тетки. Язычок пламени нервно дергался, от его кончика поднималась тоненькая темная струйка копоти.

– Ну и зачем это? – спросила Аля, делая очередной глоток из чашки, расписанной голубыми цветочками и зелеными листиками.

– У тебя плохие мысли и на душе черно. Откуда ты пришла... такая?

– С чего ты взяла, что у меня плохие мысли?

Аля говорила равнодушно, но ком внутри снова затвердел и стал стремительно остывать.

– Свеча коптит и горит неровно. Это означает, что в комнате зло.

– И именно от меня? А может, от тебя, а, Динок? Может, это мне впору спросить, откуда ты пришла, как ты выразилась, «такая» и почему свеча неровно горит? Давай сразу оставим попытки врать, потому что вернулась ты совсем недавно, минут за двадцать до моего прихода, у твоих туфель до сих пор мокрые подошвы. А дождь, если ты не забыла, начался после часа ночи, до часу тротуары были сухими. Так где ты была?

– Гуляла.

Дина посмотрела с вызовом, но тут же отвела глаза.

– Где? – продолжала допрос Аля.

– На улице. Где еще можно гулять? Парки закрыты, на проезжей части машины. По тротуару гуляла.

– Не хами, детка. Ты гуляла одна или с кем-то?

– Не твое дело...

– И не груби. Так с кем ты гуляла?

– Одна! Одна я гуляла. Я что, воздухом подышать не могу? Я просто гуляла, понимаешь ты это?

Дина невольно повысила голос, и Аля тут же оборвала ее:

– И не кричи, пожалуйста. Папа тебе разрешил уходить так поздно?

– Аля, мне девятнадцать лет, ты не забыла?

– Значит, ты дождалась, пока отец уснет, и ушла. И где-то шлялась до половины третьего ночи. Так, Динок?

– А хоть бы и так! Что такого?

– Ничего. Все нормально. Чего ты распсиховалась? Смотри, свеча не только коптит, но и трещит от твоих переживаний. Так что давай не будем рассказывать мне, что это я вернулась домой с плохими мыслями и черной душой. Хорошо? Кстати, было бы неплохо, хотя бы в порядке информации, сказать мне, где и с кем ты была, чтобы окончательно закрыть вопрос.

– А сама ты где была? – кинулась в контрнаступление девушка.

– У себя дома. Два раза в неделю я езжу проверять свою квартиру и поливать цветы, тебе это прекрасно известно. Еще есть вопросы?

Дина посмотрела на нее расширившимися глазами, в которых не было ничего, кроме презрения.

– У тебя любовник. Молодой. Ты с ним встречаешься на своей квартире.

– Это не твое дело, – холодно отрезала Аля. – У меня нет никакого любовника, ни молодого, ни старого, но даже если бы и был, ты не имеешь права это обсуждать.

– Нет, имею. Потому что после этих непристойных свиданий ты возвращаешься с плохими мыслями и тяжелым сердцем. Я не допущу, чтобы в дом, в котором я живу, приносили зло. Или прекрати это свинство, или после каждого свидания я буду тебя чистить.

Откуда она узнала? Ком в груди налился тяжестью и стал разрастаться, распирая грудную клетку. Але показалось на миг, что она слышит, как раздвигаются и трещат ребра. Откуда у девчонки такое поистине звериное чутье? Как, каким двадцать седьмым чувством она угадала и плохие мысли, и тяжесть на душе? А может, она и в самом деле сумасшедшая? Не «девушка с небольшими странностями», а самая настоящая сумасшедшая. Говорят, у настоящих сумасшедших стирается налет цивилизации и остается голая первобытная сущность, в которой главными были не знания и логика, а чутье и интуиция.

Але стало страшно. Так страшно, как не было никогда в жизни. Надо что-то говорить, что-то нейтральное, ерунду какую-нибудь, судорожно законопачивая щели, чтобы не дать страху вырваться наружу.

– И как ты собираешься меня чистить?

– Я буду совершать обряд. Каждый раз, когда ты придешь домой внутренне нечистой, я буду совершать обряд.

– А кто дал тебе право совершать обряды? Ты кто, священник? Господь Бог? Ты что возомнила о себе, девочка? Кто ты такая?

Наступать, наступать, не оглядываясь по сторонам, не считая потери, не слыша свиста пуль, только вперед!

– Я – посвященная.

Атака захлебнулась, едва начавшись. Дина сумасшедшая, это раз. И по ночам она ходит на какие-то сборища, это два. Секта? Сатанисты? Или еще что-нибудь в этом роде? Как с ней разговаривать? Потакать и соглашаться, чтобы не спровоцировать всплеск злобы? Или уговаривать и убеждать, вести к врачу? Или в милицию обратиться, чтобы с этой сектой разобрались?

Нет, в милицию нельзя. Все, что угодно, только не милиция.

Свеча отчаянно трещала, пламя дергалось в разные стороны и никак не хотело остановиться и замереть в форме перевернутой капли. И холодный чугунный ком внутри все продолжал разрастаться, леденеть и тяжелеть, сокрушая хрупкие ребра и разрывая тонкую кожу.

Але хотелось завывать.

* * *

Зачем, зачем это все... Все эти оправдания, все эти слова о невозможности исправить ситуацию другим способом, доводы о том, что совершенное сейчас зло принесет освобождение и покой в будущем... Человек слаб и подвержен соблазну... Можно сколько угодно клясться себе, что больше никогда... А вдруг снова станет нужно? И только таким чудовищным способом можно будет выкупить у судьбы новую порцию покоя и освобождения? Неужели возможно сделать это еще раз?

Нет. Нет!!!

Ни за что на свете. Что бы ни случилось.

А все-таки после второго раза не так тяжело, как после первого.

* * *

– Ни за что на свете, что бы ни случилось. Повтори.

– Чтобы не случилось, – буркнул Коротков, не отрываясь от чьей-то служебной записки, накаляканной от руки немыслимо корявым почерком.

– Юра, не причинность, а отрицание, полное и абсолютное отрицание. Ну Юр, – взмолилась Настя Каменская. – Да оставь ты эту бумажку дурацкую, я с тобой серьезно разговариваю.

Он устало снял очки для чтения и поднял на Настю воспаленные от бессонницы глаза. Ей стало неловко. Человек работает как каторжный, а она, вместо того чтобы помогать, в отпуск собралась.

– Юрочка, я знаю, что ты двое суток не был дома, ты ужасно устал, тебе не до меня. Но, пожалуйста, удели мне две минуты, только две маленькие минуточки, я больше не прошу.

– Прости, мать, – голос его от усталости стал совсем хриплым, – я, кажется, что-то важное пропустил и не врублюсь никак. Давай все сначала, только покороче, ладно? У меня дел три кучи, ничего не успеваю.

Настя вздохнула и терпеливо начала все сначала:

– Я прошу тебя дать мне честное пионерское сыщицкое слово под салютом всех вождей, что ты не станешь выдергивать меня из отпуска ни за что на свете, что бы ни случилось. Поклянись, и я от тебя отстану.

– Из отпуска? – Коротков посмотрел на нее с тупым недоумением. – Из какого отпуска?

– Из очередного. Длительностью сорок пять суток. И еще месяц учебного, на который я имею право как адъюнкт-заочник. Итого два с половиной месяца. Афоня рапорт подписал неделю назад, а ты этот рапорт, между прочим, визировал.

Юра помолчал, вероятно, переваривая услышанное, потом бросил взгляд на настольный ежедневник и с облегчением рассмеялся:

– Сегодня первое апреля! Ну слава богу, а то я уж испугался... Круто ты меня развела, просто как лоха вокзального! Но шуточки у тебя, подруга, не для слабонервных начальников. Это хорошо еще, что я крепкий, другой бы на моем месте тебя убил сразу, не глядя на календарь, а потом уж разбирался бы, кто там чего в связи с первым апреля нашутил. Спасибо, отвлекла и развеселила, хоть что-то радостное в этой мутной жизни... Все, подруга, вали отсюда, я с бумажками этими совсем зашился.

Он снова нацепил очки и схватился за начертанные чьей-то торопливой рукой каракули.

Настя опять вздохнула. Все оказалось даже хуже, чем она предполагала. Начальник отдела Афанасьев ушел в отпуск с понедельника, сегодня уже четверг, и Коротков, оставшийся «на хозяйстве», успел в полной мере вкусить прелести начальственной жизни, когда телефон разрывается и постоянно кто-то чего-то требует, и настаивает, и вопрошает грозно, и гневается, и бранится, используя весь богатый русскоязычный лексикон, как литературный, так и ненормативный. Тяжело Юрке, трудно, а она, предательница, в такую минуту бросает его. Он действительно визировал ее рапорт, но за всей этой оперативно-служебной сумятицей успел основательно забыть.

– Юрочка, солнце мое, послушай меня, пожалуйста. Я не разыгрываю тебя. Вот мой рапорт, на нем твоя виза и Афониная, а вот отметка секретариата, что за мной не числится ничего секретного, а вот бумажка из поликлиники о том, что я прошла диспансеризацию. А вот это – карточка-заместитель, я даже оружие уже сдала. Я действительно ухожу в отпуск. С понедельника.

Она помолчала, с тоской глядя на изменившееся Юркино лицо и чувствуя себя последней дрянью, и зачем-то добавила:

– С пятого апреля.

Как будто в понедельник могло быть не пятое, а какое-то другое число.

Коротков молчал, глядя не на нее, а куда-то мимо, в стену за Настиной спиной.

– Юр, я все понимаю... Я знаю, в какой клинч ты попал, но я не могу всю жизнь думать о ком угодно, только не о себе. Это все-таки моя жизнь, и если я сама о ней не позабочусь, о ней не позаботится никто. Мне нужны эти два с половиной месяца, чтобы заниматься диссертацией. Мне надо утвердить тему, а для этого требуется собрать чертову кучу бумаг, обсудить сначала на кафедре, потом на ученом совете. Надо написать рабочую программу и разработать весь инструментарий, и его тоже утрясти с научным руководителем и обсудить на кафедре. Мне надо начать собирать материал. Понимаешь? Мне в июне исполнится сорок четыре года, у меня совсем мало времени, и я должна сделать все, чтобы в сорок пять меня не выперли на пенсию погаными тряпками. Если

нашему государству и нашему родному министерству наплевать на то, как будет жить человек, который больше двадцати лет ловил преступников ценой собственного разрушенного здоровья, то мне на этого человека не наплевать, я его люблю и должна о нем позаботиться. Юр, ты меня слышишь?

Он медленно кивнул, не отрывая глаз от чего-то очень интересного.

Настя обернулась, чтобы посмотреть, что же это такое, но не увидела ничего, кроме казенной стены, казенного шкафа и казенной поцарапанной двери.

– Ты меня осуждаешь? – виновато спросила она.

Коротков помотал головой, что должно было означать отрицание.

– Презираешь, да?

– Аська, прекрати. Ты права. Тебе надо подумать о себе, а не обо мне. Просто я не представляю, как я справлюсь без тебя. Слушай, а нельзя как-нибудь отодвинуть это дело, а? Ну хоть подожди, пока Афоня из отпуска выйдет, мне тогда гораздо легче будет.

– Не могу, Юрочка, честное слово. В учебных заведениях июль и август – мертвый сезон, ученый совет не собирается, заседания кафедры проводятся крайне редко, а то и вовсе не проводятся. Бумажки собирать и подписывать –дохлый номер, то один чиновник в отпуске, то другой. Если я уйду с пятого апреля, то у меня есть шанс успеть все, что я запланировала, а если я буду ждать Афоню, который появится только в середине мая, то я совершенно точно ничего не успею.

– Афоня не будет отгуливать весь отпуск целиком, наверняка вернется через пару недель.

– Не надейся, солнце мое, он не вернется. Он не понимает, что с нашим министерством будет через месяц, и на всякий случай использует отпуск целиком, а то вдруг потом не удастся. Новый министр – темная лошадка, никто не знает, чего от него можно ожидать.

– А мне показалось, он нервничает и хочет держать руку на пульсе, – заметил Юра.

– Вот тут ты прав, он хочет быть в курсе, только работать при этом он не хочет. Наш Афоня далеко не уедет, даже, наверное, пределы Москвы не покинет, будет сидеть на телефоне и держать нос по ветру, может быть, и сюда пожалует, в кабинете запрется и будет решать свои личные проблемы. Только из отпуска он не отзовется и работать не будет, на это не рассчитывай. Тебя может спасти только убийство председателя Госдумы, вот тогда Афоню точно выдернут на службу. Но и тебе небо с овчинку покажется.

– Типун тебе на язык, – перепугался Коротков. – Ты что такое говоришь-то? Накаркаешь еще. Ладно, я уж сам как-нибудь... Но я все равно буду тебе звонить. И приезжать к тебе буду.

– Не будешь.

– Буду. Никуда ты от меня не денешься.

– Я тебя не пущу. Дверь не открою.

– Напугала... Чистяков откроет.

– Он не откроет, я его предупрежу. И к телефону подходить не буду. И мобильник выключу.

– Слушай, не вредничай, а? Ты о своей жизни заботишься – вот и заботься, а я о своей тоже, может, хочу позаботиться. И если мне нужен будет твой совет, твои мозги или хотя бы просто твои уши, я их все равно получу, хочешь ты этого или нет. Усвоила?

– Усвоила, – покорно ответила Настя. – А глаза не будут нужны? Или другие части тела?

– Не дерзи начальнику, мала еще. Иди поцелуй дядю в щечку и шлепай отсюда, не мешай старшим по званию работать.

Настя подошла к нему, поцеловала в макушку, в самую серединку, где светилась проплешина. От Короткова пахло немытыми волосами, усталостью и безысходностью.

– А ты все-таки не дал мне слово.

– Какое еще слово?

– Честное. Что не будешь дергать меня и грузить работой ни за что на свете, что бы ни случилось.

Он снова снял очки и принялся внимательно их рассматривать.

– Ирка собирается на Пасху на Крестный ход идти, – задумчиво произнес он. – Хочет, чтобы я с ней пошел. В Елоховский собор. Сходить, что ли?

– Ты же некрещеный. И неверующий.

– Вот я и думаю... Раз я некрещеный, то в храм мне входить нельзя, так что на службу я в любом случае не пойду, а если снаружи постоять, то, наверное, можно. Или как? Не знаешь, какие там правила?

Настя сначала втянулась в дискуссию, но почти сразу поняла, что Юркин маневр удался вполне. Не даст он ей никакого честного слова и даже не собирается это обсуждать.

* * *

Лиля Стасова давно избавилась от лишнего веса, обременявшего ее детские годы бесконечными обидами на одноклассников, оттачивавших на ее толстенькой фигурке свое неуклюжее остроумие. Она, конечно, была девушкой крупной, но уж никак не толстой, однако жить продолжала еще по тем, детским, правилам, согласно которым она, Лиля, является эталоном непривлекательности и заинтересовать мало-мальски симпатичного мальчика ни при каких условиях не сможет. И это при том, что у нее было очаровательное лицо, милые ямочки на щеках, появляющиеся, когда она улыбалась, хорошие зубы и густые темно-русые вьющиеся волосы, каскадом спадающие на красивые округлые плечи. Лилина

мама, во времена сияющей молодости слывшая одной из самых сексапильных дам в мире кино, обладательница миндалевидных зеленых глаз, невероятных ног и столь же невероятной груди, почитала себя единственным эталоном красоты и искренне считала уродством все, что этому эталону не соответствовало. А поскольку маленькая круглоглазая толстушка Лиля ему уж точно не соответствовала, то девочке с детства было внушено, что она некрасивая, но зато умненькая и очень способная.

С этим самоощущением Лиля и дожила почти до восемнадцати лет, свято уверовав в собственную непривлекательность и утешаясь выдающимися успехами сначала в школе, а теперь в институте, где исправно занималась, намереваясь получить профессию юриста, специализирующегося в области договорного права. Владислав Николаевич Стасов, Лилин отец, и его вторая жена Татьяна при каждом удобном случае пытались объяснить девушке, что она не просто симпатичная, а очень даже хорошенькая, аппетитненькая и привлекательная, но все было без толку.

– Вы просто меня утешаете, – очень серьезно отвечала Лиля. – Не надо меня обманывать, я вовсе не страдаю от своей некрасивости, у меня нет никаких комплексов. Когда я закончу учебу и получу диплом, то через пару лет буду столько зарабатывать, что мужики в очередь выстроятся, чтобы на мне жениться. Каждому свое.

Стасов и Татьяна приходили в ужас от таких пассажей, им совсем не хотелось, чтобы девочка ощущала свою ценность исключительно в качестве денежного мешочка, но пущенные в детстве ростки развились в такую корневую систему, что удалить сорняки из девичьего сознания одним легким движением руки никак не удавалось. Мерзкое растение надо было методично травить разными кислотами, но это могло бы быть возможным только при длительном ежедневном общении. А жила Лиля с матерью, к отцу и Татьяне навещалась нечасто, хотя и регулярно звонила, так что организовать систематическое воздействие на ее искривленное сознание никак не получалось.

В пятницу, после третьей лекционной пары, Лиля до закрытия просидела в библиотеке института, старательно конспектируя монографию, указанную в методичке к семинарскому занятию по теории права. В диспозициях и санкциях она разобралась довольно быстро, на гипотезах же застряла надолго, потому что никак не могла взять в толк, зачем это понятие нужно, если в законодательных актах оно не облачается в словесную форму. Монография была

старой, написанной еще в тысяча девятьсот шестьдесят каком-то там году, но профессор, читающий лекции по теории, настаивал на том, чтобы студенты непременно с ней ознакомились, дабы понять движение теоретической мысли и развитие науки за последние полвека.

Преодолев раздел о структуре норм, Лиля закрыла тетрадь, сдала книгу, сунула в сумку читательский билет и вышла из института с твердым намерением немедленно где-нибудь поесть. Страх перед возвращением ненавистных килограммов диктовал ей свои условия жизни, одним из которых было ничего не есть после восьми. А уже десять минут девятого. Пока она доедет до дома, будет девять, поэтому проблему легкого ужина следовало решать немедленно.

Мест для решения указанной проблемы в окрестностях института было несколько, и после недолгих размышлений девушка остановила свой выбор на дешевенькой кафешке, где все, что подавалось, было жутко невкусным, но зато малокалорийным. Взяв у стойки нечто омерзительного цвета и сомнительного запаха, именуемое в меню «икрой из баклажанов», она уселась за свободный столик и достала учебник по истории политических учений, чтобы не сосредоточиваться целиком на не вызывающем доверия блюде. Все-таки чтение очень помогает в таких случаях: если книга интересная, то можно даже самую гадкую гадость в себя впихнуть и не поморщиться. Однако же в этот раз киники и эпикурейцы помогли мало, тошнотворно-тухлый вкус «икры из баклажанов», который повар попытался забить изрядным количеством чеснока, пробивался и сквозь приправы, и сквозь политические воззрения древних греков.

Лиля с отвращением отодвинула тарелку на край стола и снова подошла к стойке в надежде выискать в меню что-нибудь столь же безобидное по части калорий, но не такое противное. У стены, составив вместе три стола, гужевалась компания молодых людей, они пили пиво, с аппетитом ели сосиски с картошкой и громко и грубо хохотали. Счастливые, с легкой завистью подумала Лиля, они могут есть по вечерам сосиски с картошкой. А она даже днем не может себе этого позволить. Или сосиски, или картошка, но и то редко и по чуть-чуть, почему-то именно мясо с картошкой прилипают к талии и бедрам мгновенно и накрепко, никакими разгрузками потом не отдерешь.

Кроме безжалостно отвергнутой икры, в меню оказался салат «Весенний». Лиля по собственному опыту знала, что, кроме кляклой мягкой капусты и двух мелко порезанных листиков петрушки, в нем не будет ничего, но все же это лучше, чем тухло-кисло-чесночное месиво подозрительного цвета. Кафешка вообще-то была

рассчитана не на тех, кто хочет утолить голод, а на тех, кому надо что-то проглотить «под пивко» или «под водочку», отсюда и ассортимент блюд, и их качество, и контингент посетителей. Лиля была здесь не в первый раз, но ее вполне устраивало отсутствие уюта, чистоты и деликатесов. Чем невкуснее еда, тем меньше съешь, и соблазнов никаких, а сидеть здесь долго она не собиралась. Да и дешево, опять же экономия выходит.

Водрузив новое блюдо на стол и раскрыв книгу, она погрузилась в тонкости учения киников и даже не сразу поняла смысл слов, прозвучавших прямо у нее над ухом:

– У вас красивые волосы.

Лиля недовольно подняла голову и посмотрела на источник звуков.

Источник был ничего себе, высокий, только очень худой, даже щеки впавшие. И бледный. Голодный, что ли? Сейчас будет намекать на материальное вспомоществование.

– Простите, не расслышала, – вежливо сказала она.

– Я сказал, что у вас очень красивые волосы.

– Спасибо, – холодно ответила девушка, снова утыкаясь в учебник.

– Вы даже не удивились. Наверное, вам это часто говорят? – не отставал голодающий.

– Часто, – соврала Лиля, не отрываясь от киников.

Она была вежливой и хорошо воспитанной девушкой, поэтому не могла сразу послать приставалу по всем известному адресу. Но при этом комплекс собственной некрасивости вкупе с постоянными наставлениями отца, подполковника милиции в отставке, и его жены, работающей следователем, делали ее практически неуязвимой для любого вида обмана. Лиля Стасова была не только умна, но и патологически недоверчива.

– А вам когда-нибудь говорили, что такие красивые девушки должны не только получать образование, но и развлекаться, отдыхать, наслаждаться жизнью?

– Говорили.

– И как вы к этому относитесь? Вы согласны с таким утверждением?

Лиля прожевала очередную порцию мягкой безвкусной капусты, проглотила и кивнула.

– Согласна. Учиться нужно. Отдыхать тоже нужно.

– Тогда позвольте вам предложить отдохнуть вместе. Я знаю здесь неподалеку классное местечко, закрытый клуб, туда пускают только своих, поэтому нежелательного контингента там нет и быть не может. Получите удовольствие, гарантирую.

Приставала с видом голодающего уже не стоял у нее за спиной, а сидел за ее столиком и пытался поймать взгляд девушки. Все ясно, его не обманул тот факт, что Лиля перекусывает в дешевой забегаловке, он успел оценить и куртку «Шакок», и серьги с маленькими бриллиантками, и мобильник, висящий на шнуре. Некрасивая дочка богатеньких родителей, такой скажи пару-тройку комплиментов – и можно брать ее голыми руками, тащить в дорогой клуб и разводить на бабки. Оттянуться по полной, выпить, нажраться от пуза, даже, может, травки прикупить удастся за ее счет, а потом – арриведерчи, любимая, увидимся как-нибудь.

– Спасибо за приглашение, – Лиля по-прежнему была эталоном вежливости, – но я не могу его принять.

– Почему?

Этот вопрос она обожала. Отвечать на него ее научила тетя Настя Каменская, давно еще, когда Лиля заканчивала девятый класс. Срабатывало безотказно.

– А если бы я согласилась, вы бы спросили, почему я согласилась?

Голодающий опешил. Он не понял смысла вопроса и, судя по лицу, мысленно повторял его, пока не сообразил, о чем речь. Этого времени Лиле хватило, чтобы убрать учебник в сумку и встать из-за стола. Бледнолицый приставала тоже поднялся и загородил ей дорогу.

– Согласилась – и согласилась, чего тут спрашивать. Так идем, да?

От нее не укрылось, что голос его стал резче и грубее. Значит, не просто голодный, а еще и наркоман, которому срочно нужны деньги на дозу. Он уже определил некрасивую девушку в категорию легкой добычи и мгновенно озверел, почуяв, что дело срывается. Типичное поведение.

Отец сколько раз это объяснял, и тетя Таня, и тетя Настя.

С озверевшим человеком нельзя пытаться справиться силой, этому Лилю тоже учил отец. Его надо попробовать обмануть.

– А это далеко? – спросила Лиля.

– Да здесь рядом, я же сказал.

– Ладно, – она улыбнулась. – Пошли, посмотрим, что за классное местечко. Только мне парад нужно навести. Подождешь? Я быстро.

– Наводи, конечно, – лицо приставалы неуловимо изменилось. Какая-то его часть вроде бы расслабилась, уловив, что Лиля первой перешла на «ты», но другая часть странно напряглась. – А я посмотрю. Люблю смотреть, как девочки красятся.

– Ну уж нет, – Лиля постаралась рассмеяться, хотя ей было вовсе не до смеха. – Макияж – дело тонкое, интимное. Я хочу быть красивой для тебя, но тебе совсем не обязательно знать, какими хитростями это достигается. Ты кофейку попей пока, а я в туалет пойду.

Он попытался схватить ее за руку, но Лиля ловко увернулась и быстро прошла в дальний конец зала, где находился туалет. Туалетная комната была далеко не стерильным и не самым ароматным местом на свете, но в данный момент это

девушку не смущало. Заперев дверь, она быстро набрала на мобильнике номер такси.

– Девушка, добрый день, мне срочно нужна машина... – Она назвала адрес кафе и район, куда нужно будет ехать. – У вас есть свободные машины в этом районе? Хорошо, я подожду.

Диспетчер связалась с кем-то и уже через полминуты сообщила Лиле номер машины, которая, к счастью, находится всего в двух кварталах и через пару минут подъедет.

– И еще, девушка... – Лиля перевела дыхание. – Свяжитесь, пожалуйста, с водителем и предупредите его, что я еду одна. Одна, понимаете? И никакие мужчины, которые тоже могут попытаться сесть в машину, со мной не едут.

– Мы на разборки не выезжаем, – торопливо и зло отозвалась диспетчер, – сами со своими мужиками разбирайтесь. Я отменяю вызов.

– Девушка, пожалуйста! Я студентка, мне семнадцать лет, ко мне пристал какой-то псих, дайте мне возможность уехать домой! – взмолилась Лиля.

Ей было все равно, что говорить, она могла бы назваться кем угодно, хоть дочерью президента страны, важно было заставить женщину из службы такси слушать и отвечать, потому что пока она слушает Лилю и отвечает, она не отменяет вызов, а это означает, что машина вот-вот затормозит у дверей кафе. Лиля несла какую-то околесицу, тихонько приоткрыв дверь туалета и выглядывая наружу. Вон он, голодающий, сидит, глаз не сводит с двери, украшенной пластмассовой табличкой с латинскими буквами WC. Нервничает. Едва на месте себя удерживает. От туалета до двери на улицу расстояние небольшое, и Лиле наверняка удастся преодолеть его быстрее, чем бледнолицый псих успеет сообразить, в чем дело, добежит до выхода, перехватит Лилю и устроит отвратительную сцену.

Помощи ей ждать не от кого, местная молодежь наверняка знает бледнолицего и будет отстаивать его интересы, работники кафешки отвернутся и сделают вид, что ничего не происходит, и уж тем более не станут вызывать милицию, им эти разборки ни к чему. Таксист тут же развернется и уедет, он тоже приключений на свою голову не ищет.

Куда ни кинь – всюду клин. Так что вариант только один: бежать быстро, уповая на то, что эффект неожиданности свое дело сделает. Какая удача, что это – дешевое кафе, где посетители сами расплачиваются у стойки, потому что если бы сейчас еще и проблема неоплаченного счета висела, то было бы совсем... ну, одним словом, совсем никуда.

Из туалета псих был виден хорошо, а улица просматривалась плохо.

Пришло такси или нет?

В телефонной трубке визгливый женский голос продолжал учить Лилю жизни, объясняя, что в семнадцать лет надо ходить в институт и слушаться маму с папой, а не попадать в ситуации, когда... Господи, вот не лень же ей, сердито подумала Лиля, прижимая трубку к уху. Столько энергии тратит на совершенно незнакомую девицу. А ведь на работе сидит. Заняться, что ли, нечем?

– Да, вы правы, – вставляла она то и дело, – вы совершенно правы, я так себя ругаю, и зачем только я сюда пришла...

Подъехала машина. Или ей только показалось? Отсюда ничего не видно, приходится ориентироваться на звуки. Если это такси, которое она вызвала, то нельзя, чтобы оно стояло возле кафе слишком долго, у психа могут появиться насчет машины всякие идеи. Например, выйти и ждать у такси, чтобы вместе ехать в клуб. Или заподозрить, что машина пришла именно за ней. Пока что он смотрит только на дверь туалета, но в любую секунду может перевести глаза на окно и тогда... Все. Хватит. Пора.

Лиля распахнула дверь и во весь дух кинулась к выходу. От страха и напряжения она ничего не видела и не смогла понять, стоит на улице машина с шашечками или нет.

Минут через пять она опомнилась и поняла, что едет в машине. И психа рядом нет.

Дома Лиля довольно быстро пришла в себя и даже посмеялась над своим приключением, похвалив себя за находчивость и за то, что хорошо усвоила папины уроки. Матери она ничего не рассказала, потому что Маргарита

Владимировна, как обычно, пришла поздно, а Лиля любила рано ложиться и рано вставать.

Утром она съела творог и йогурт, выпила чашку кофе без сахара и уже натягивала джинсы, когда позвонил отец.

– Лилия, я прошу тебя быть очень осторожной. Никаких уличных знакомств, никаких ночных клубов, никаких сомнительных ситуаций, после занятий – немедленно домой. Ты меня поняла?

Голос у него был холодным и злым, и девушка испугалась, что отцу каким-то образом стало известно о ее вчерашнем приключении. Как он мог узнать? Впрочем, чему удивляться? Столько лет проработал в уголовном розыске, а последние девять лет – в частных сыскных и охранных структурах. Папа все знает. А если чего-то не знает прямо сейчас, то узнает через полчаса, это всего лишь вопрос времени.

– Я все поняла, папа, – вежливым голосом послушной девочки ответила Лилия. – А чего ты с утра такой сердитый?

– Я не сердитый, я встревоженный. Сегодня ночью неподалеку от твоего института убита девушка, ваша студентка. Там рядом клуб какой-то третьеразрядный, она туда с кем-то пришла, а потом ее нашли убитой. Я прошу тебя быть предельно осторожной, слышишь? Барнаульское дело помнишь?

– Помню.

– О том, что все пропавшие девушки были из одного института, тоже помнишь?

– Помню, папа. Ну чего ты меня запугиваешь?

– Я не запугиваю, я просто предупреждаю тебя, что вокруг вашего института ходит убийца.

– Пап, ну ты сыщик или кто? – возмутилась Лилия. – Еще же ничего не известно, может, эту девушку убили по личным мотивам или с целью ограбления, а тебе уже сразу маньяк мерещится.

– Вот, вырастил на свою голову, – проворчал Стасов. – От горшка два вершка, а в сыском деле лучше отца разбирается.

– Это не ты меня вырастил, а тети-Танины книжки, я в основном по ним предмет изучала, – улыбнулась Лиля.

Улыбка получилась натянутой, губам стало больно, а лицевые мышцы заломило. Хорошо, что отец не видит.

– Ладно, котенок, я все сказал. Будь умницей.

– Буду, – твердо пообещала она.

Положив трубку, Лиля некоторое время постояла в задумчивости, не замечая, что одна штанина джинсов натянута на ногу, а вторая свисает и наполовину лежит на полу.

Случайное совпадение? Скорее всего. Ту неизвестную студентку (господи, она даже не спросила у папы ее имя, а вдруг это ее однокурсница, хорошая знакомая!) убили из ревности, или из мести, или из-за денег. А к Лиле вчера пытался пристать безденежный наркоман в надежде поживиться за счет наивной дурочки, у которой водятся деньги. Вот и все. И никакой связи. Больше она ни за что не пойдет в это кафе одна.

Он, вчерашний-то, ее запомнил и может попытаться мелко и гадко свести счеты, но этого, в принципе, можно избежать. Если уж так необходимо заниматься в библиотеке допоздна, то надо сразу вызывать такси прямо к институту и уезжать домой. Или договариваться с кем-нибудь из сокурсников, чтобы уходить вместе. В общем, проблема решается. Надо только не поддаваться панике и не делать глупостей.

А если это не совпадение? Если тот псих – действительно псих, убийца, маньяк? Он выискивал себе жертву, остановил свой выбор на Лиле, но Лиля обманула его и сбежала. И он убил другую девушку. Но теперь он понимает, что Лиля его помнит, и может опасаться, что она обо всем догадается. Она узнает про убийство студентки и догадается, что видела убийцу. Что он предпримет?

Вообще-то тетя Настя Каменская рассказывала, что если маньяк настоящий, который убивает, руководствуясь неистребимым и неуправляемым желанием убить, то он никогда не будет убирать свидетелей. Ему все равно. Он убивает не по плану, а по велению внутреннего голоса. Но это если маньяк совсем уж настоящий. А есть же огромное количество «не совсем настоящих», которым просто нравится убивать, они при помощи лишения жизни других людей решают какие-то свои внутренние психологические проблемы, вот как Раскольников, например. Такие вполне способны к планомерным действиям и к устранению свидетелей. Вообще-то надо бы позвонить тете Тане и тете Насте и поспрашивать у них про маньяков поподробнее.

Как же поступить? Сказать отцу? Или промолчать? Если сказать, то отец запрет ее дома, да еще охрану на лестнице поставит, пока этого психа не выловят. Конечно, соблазнительно не ходить в институт по уважительной причине, можно расслабиться, не заниматься учебой, а всласть начитать, потому что книжек, купленных и непрочитанных, скопилось море. И никуда не ходить, валяться целыми днями на диване, укрывшись пледом, с книжкой в руках... Бывает же такое счастье!

А потом придется сдавать отдельно каждую пропущенную тему, да не на семинаре, когда могут и не спросить, а один на один с преподавателем. Сколько будут ловить маньяка? Хорошо, если месяц, за месяц можно и начитать досыта, и пропущенных тем окажется не так много, вполне можно будет за недельку постепенно все отработать. А если его будут ловить год? А если три года? Или все пятнадцать? Папа рассказывал, что одного такого маньяка не могли поймать почти двадцать лет. Он все эти годы насиловал и убивал, а его все ловили и ловили...

И потом, есть еще одна причина, по которой Лиле обязательно нужно ходить в институт.

Нет, затворничество – это не решение проблемы.

А в чем же решение?

– Да что ж это такое, в десятый раз все переделывать! – демонстративно страдала сидящая за компьютером девица, встряхивая разноцветными – розовыми и темно-рыжими – прядями волос. – Никто ничего толком не знает, только правки вносят и вычеркивают, вносят и вычеркивают, а потом все равно получается, как было вначале.

Девица имела имя Лариса и должность под названием «лаборант кафедры криминологии». Настя уже видела ее раньше, когда приезжала на кафедру, но никогда не доводилось ей наблюдать за Ларисой так долго, в течение целых сорока минут без перерыва. Наблюдение было любопытным и немало развлекло Настю, изнемогавшую в ожидании светлой минуты, когда ее будущий научный руководитель профессор Городничий соизволит принять ее. Профессор пока был занят, во всяком случае, именно так утверждала Лариса, занимавшая форпост в комнатке, из которой одна дверь вела в коридор, а две другие – в кабинеты начальника кафедры и профессора Городничего.

Насколько Настя успела понять, Лариса трудилась над составлением фундаментального труда, именуемого «План семинарских и практических занятий по курсу «Криминология и профилактика преступлений» на первый семестр 2004/05 учебного года». За последние сорок минут она распечатывала этот план дважды и носила кому-то показывать, возвращалась злая и, с возмущением потрясая исчерканными ручкой листками, принималась вносить правки.

– Еще Олег Антонович будет смотреть, тоже все почеркает, – ворчала она, переставляя местами рекомендованную по темам литературу, – а потом еще шеф, этот вообще в клочья разнесет. А я – опять переделывай. Бумага, между прочим, заканчивается, по сто раз распечатывать – не напасешься, а у меня последняя пачка на исходе. Потом сами же орать будут, что печатать не на чем.

– А может, не распечатывать каждый раз? – осторожно встряла Настя. – Пусть один преподаватель поправит, потом другой, а потом вы за один раз все переделаете.

– Ну да! – Лариса возмущенно потрянула разноцветными волосами. – Вы что? У нас на кафедре профессора материалы с чужими правками даже в руки не возьмут! Штабная культура. Документ должен быть чистым. Правки же от руки делаются, а наши профессора в чужом почерке ковыряться не любят. Считают это ниже

собственного достоинства. Сто лет назад, когда еще компьютеров не было и все печатали на машинках, тогда никто не капризничал, с пониманием относились, что перепечатывать долго, время теряется, тогда не только правки от руки смотрели, а вообще весь материал целиком можно было ручкой написать. А с этими компьютерами все как с цепи сорвались, министрами себя возомнили.

Несмотря на ворчание и замысловатый окрас волосяного покрова, работала Лариса на удивление быстро, и размышления вслух никак не сказывались на скорости внесения поправок в текст. «Сто лет назад...» Надо же, с усмешкой подумала Настя, откуда она может знать, что было в докомпьютерную эру, она же небось пишущую машинку только в кино видела.

– Лариса, а вы давно работаете на кафедре?

– Да сто лет! – Вероятно, это был универсальный временной измеритель, которым определялись любые сроки больше недели. – Как после школы пришла, так и работаю.

– Значит, недавно, – с улыбкой уточнила Настя. – Вы же совсем молоденькая.

– Кто, я молоденькая?! – Лариса расхохоталась. – Ну вы даете! Я просто хорошо выгляжу. Я здесь с девяносто второго года корячусь. Шестерых начальников кафедры пересидела. Столько лекций, пособий и монографий по криминологии за это время напечатала, что знаю предмет лучше их всех, – она мотнула головой в сторону кабинетов, – вместе взятых. Думаете, я не знаю, почему каждый из них в список литературы свои правки вносит?

– И почему же?

– Да потому, что каждый хочет, чтобы слушатель готовился к семинарскому занятию по книжке, где этот профессор или главу написал, или на его труды постраничные ссылки есть. Честолюбия-то выше крыши, а отдуваться мне. Вот бумагу всю изведу на этот план, будь он неладен, а потом ко мне же претензии, мол, почему протокол заседания кафедры не напечатан и в дело не подшит. Или почему фондовая лекция до сих пор не сделана, ее уже три дня как обновили, а обновленного варианта в папке нет. И снова я виновата. А кто-нибудь из них хоть одну пачку бумаги принес на кафедру? Фигушки! Это я должна заявку писать на бумагу, по инстанциям с этой заявкой носиться, высунув язык, все

подписи собрать, снабженцам отдать и ждать, пока они закупают и привезут.

Настя сочувственно покивала. Она прониклась трудностями лаборантки Ларисы, но еще больше авансом пожалела себя: если здесь действительно такие тщеславные ученые, то ей придется ой как нелегко.

– Не знаете, Олег Антонович скоро освободится? – уныло спросила она.

– У него посетитель, – строго ответила Лариса.

Это Настя уже слышала с самого начала. Но хотелось бы понимать, надолго ли.

Запас гневливости у лаборантки иссяк, она продолжала работать молча, и тишину в комнате нарушала только навязшая в зубах за последний год ария «Belle» из популярного мюзикла, негромко доносящаяся из стоящего на подоконнике приемника.

Распахнулась дверь кабинета начальника кафедры, Настя вздрогнула и машинально съежилась. Он был одним из членов комиссии, принимавших у нее кандидатский экзамен, и она до сих пор не могла без ужаса и отвращения к себе самой вспоминать эту историю.

– Олег Антонович у себя? – спросил он Ларису, пройдя мимо Насти как мимо пустого места. – Опять у нас на коммутаторе все телефоны переклинило, никому дозвониться невозможно.

– На месте, – ответила Лариса, не отрываясь от работы. – Сказать, чтобы зашел к вам?

– Я сам зайду. А ты сходи к телефонистам, узнай, что там случилось.

– Хорошо, Николай Андреевич, сейчас схожу.

Лариса выпорхнула в коридор, начальник кафедры зашел в кабинет к Городничему, пробыл там не больше минуты и вернулся к себе. Дверь в кабинет профессора оказалась притворенной не до конца, и до Насти стали доноситься голоса. Тенорок Городничего она узнала сразу, а вот второй голос показался ей

смутно знакомым. Она могла бы дать голову на отсечение, что несколько месяцев назад слышала этот голос, и не один раз. Но обладателя его вспомнить никак не могла.

– Почему я опять должен решать твои проблемы? – недовольно и устало говорил профессор.

– Потому что сам я не могу их решить. Если бы я мог сам это сделать, я бы вас не грузил. Ну? Поможете?

– Да черт с тобой. Давай, что там у тебя.

– Вот, все как вы велели. В этом конверте документы, в этом – все остальное.

– И много этого... – Насте показалось, что Городничий усмехнулся, – остального, как ты выражаешься?

– Сколько в прошлый раз, столько и сегодня. Или цены выросли?

– Весь народ уже давно на евро перешел, а ты небось все по старинке в долларах считаешь?

– Посчитайте, сколько нужно еще, я добавлю.

– Я тебе не бухгалтер, вот возьми калькулятор и сам считай.

Ой как интересно! Это что же, профессор Городничий взятки берет?

Или осуществляет посредничество, разумеется, небескорыстное? И опять же интересно, за что может брать взятки профессор кафедры криминологии высшего учебного заведения системы МВД? И еще интереснее, кто же это такой со знакомым голосом эту самую взятку ему дает?

– Ладно, с этим решили, – слышался профессорский тенорок. – И когда только закончится этот бардак в стране, хотел бы я знать! Все кругом воруют, вся политика – это борьба за место, на котором можно побольше украсть. Вот ты, кстати, за кого голосовал на выборах?

– Я четырнадцатого марта сутки дежурил, – отозвался знакомый голос. И отозвался, как Насте показалось, слишком уж поспешно.

– Вот! Поразительное дело! Кого ни спрошу – никто голосовать не ходил, ни один сотрудник нашей кафедры, ни один мой знакомый! А нам втюхивают, что явка избирателей была достаточно высокой, чтобы считать выборы состоявшимися. А? Каково? Кто же тогда голосовал, если никто на участки не ходил? А ты заметил, какой у председателя Центризбиркома вид был ночью, после голосования?

– Нормальный был вид, как у человека, который устал. Какой вы хотите, чтобы у него был вид ночью-то, да после напряженного рабочего дня?

– Вот именно что после напряженного. Работы, видно, было много. Ты понимаешь, о чем я?

– Понимаю, понимаю. Ну, спасибо за помощь, я побегу. Служба как-никак.

Они вышли вдвоем. Профессор Городничий, точно так же, как незадолго до этого начальник кафедры, прошел мимо Насти, полностью ее проигнорировав, и скрылся в кабинете руководства. А в посетителе Настя узнала следователя Недбайло, вместе с которым несколько месяцев назад работала по делу об убийстве жены предпринимателя. И насколько Настя могла припомнить, четырнадцатого марта он вовсе даже и не дежурил, поскольку именно в день выборов Президента она была в составе оперативно-следственной группы на выезде на место тройного убийства, случившегося аккурат на той территории, на которой работал Артем Недбайло, и дежурным следователем в тот день был совсем другой сотрудник. А врать-то нехорошо, некрасиво, как сказал бы любимый Настин коллега Сережа Зарубин.

В отличие от профессора, Недбайло не стал делать вид, что не заметил Настю или не узнал ее. Более того, он даже, кажется, обрадовался встрече.

– Анастасия Павловна! Какими судьбами?

– Я к Олегу Антоновичу пришла. Буду пытаться под его руководством написать диссертацию. А вы, Артем Андреевич?

– Представьте, тоже пришел к Олегу Антоновичу.

– И тоже по научной надобности? – задала она ехидный вопрос.

– Да что вы! – следователь махнул рукой. – У меня сплошная проза. Брат жены купил машину и не может ее на учет поставить. Очереди безумные, никто ничего не знает, справок не дают, он два раза с работы на целый день отпрашивался – все без толку. В третий раз его начальник не отпустил, еще и пригрозил уволить за прогулы. А у дядьки какой-то блат есть, я к нему уже пару раз обращался.

– У дядьки?

– Ну да, Олег Антонович – мой дядя, брат матери. Двоюродный, правда, но все равно же родственник.

– Но ведь есть фирмы, которые специально занимаются постановкой машин на учет, можно же к ним обратиться.

– Можно, но дорого, – Артем Андреевич усмехнулся. – Брат жены на машину-то еле-еле наскреб, еще и занимать пришлось, так что услуги фирмы ему уже не потянуть. В ГАИ что от фирмы, что от частных лиц деньги берут одинаковые, но если через дядьку, то хотя бы на оплате услуг фирмы можно сэкономить. У него сосед по гаражу работает в ГИБДД, в которой ставят на учет любые машины независимо от места прописки владельца. Так что, кстати, имейте в виду, Анастасия Павловна.

– Не буду, – улыбнулась она, – я не собираюсь покупать машину, у меня денег таких нет. Артем Андреевич, а можно нескромный вопрос?

– Конечно.

– У вас дверь была неплотно закрыта, и я случайно услышала... Вы ведь не дежурили в день выборов, правда?

Артем расхохотался, и его обычно строгое точеное лицо вдруг превратилось в мальчишескую озорную физиономию.

– Не дежурил. Если вы собираетесь писать диссертацию под руководством моего дядюшки, то вам бесполезно будет знать, что он никогда ничем не бывает доволен. Все вокруг сволочи, это раз. Все воруют, это два. Страну развалили, это три. Результаты выборов predetermined заранее и подтасованы, это четыре. В России сегодня нет ни одной реальной политической силы, которая могла бы привести нас к такому будущему, которое устроило бы моего дядюшку. Это пять. Поэтому если иметь неосторожность ответить ему на вопрос, за кого ты голосовал, ты рискуешь получить в ответ лекцию на тему о том, какой ты козел и как неправильно ты поступил. Поэтому проще сказать, что вообще не ходил на выборы. Я уверен, что все, к кому дядька с этим вопросом приставал, именно так и думали, потому и сказали, что не голосовали. Я, во всяком случае, наврал ему как раз из этих соображений. Конечно же, у меня есть свое мнение, и я его выразил путем тайного голосования. Но обсуждать это мнение с Олегом Антоновичем – себе дороже. Так что осторожней, Анастасия Павловна, следите за речью, когда будете общаться с ним, а то он вас в три секунды задолбает. Избегайте любого намека на политику.

– Спасибо за предупреждение, Артем Андреевич, – от души поблагодарила Настя.

– Да бросьте вы. Просто Артем. Мы же не на службе. Тем более вы меня застукали, когда я занимался неблагоприятным делом – посредничеством во взяточничестве.

– Это да, – она кивнула, – это верно. И я немедленно побегу в управление собственной безопасности доносить на вас и на вашего дядю. А вы потом подошлете ко мне наемных громил или даже убийцев, чтобы лишить меня возможности отстаивать честь российского милиционера. Черт, Артем, а ведь в самом деле, нас всех просто в угол загоняют, вынуждая давать взятки, а потом с пафосом заявляют о необходимости всенародно напрячься в борьбе с коррупцией. Ведь мы же с вами юристы, профессионалы, у нас должно быть развитое правосознание, я знаю о том, что вы и ваш дядя участвуете во взяточничестве, и вам не стыдно, а мне не противно. Во как нас жизнь-то поуродовала, а?

Следователь собрался было что-то ответить, но из кабинета начальника кафедры появился Городничий и недовольно поморщился, увидев племянника.

– Ты еще здесь?

– Уже нет, – бросил Артем и выскользнул за дверь.

– А вы ко мне? – обратился к Насте профессор.

– К вам, Олег Антонович. Я Каменская, вы мне назначили сегодня прийти.

– Ах да... Да, конечно, – он тяжело вздохнул, всем своим видом показывая, что от тягот службы государевой утомился безмерно, но что ж поделать, коль в науку рвутся всякие там с Петровки, небось читать едва научились, а туда же... – Проходите.

Да, легко не будет, уныло констатировала Настя, заходя следом за профессором в кабинет.

* * *

Из кабинета профессора Городничего Настя вышла примерно через час совершенно обескураженной. Во-первых, Олег Антонович, как выяснилось, обладал превосходной памятью, посему надеждам на то, что он забыл Настин позор на экзамене, сбыться было не суждено. Во-вторых, он вовсе не считал Настю непроходимой дурой, ее взгляды еще тогда, во время экзамена, показались ему любопытными, и он полагал вполне возможным поставить ей высокую оценку, однако у него в тот день сильно болела голова, а вступать в дебаты с профессором Славчиковым, настаивавшем на двойке, ему не хотелось. Так что выбранную Настей тему он в целом одобрил и сказал, что работа может получиться очень интересной, если... И вот здесь наступало «в-третьих». Если диссертант, то есть Настя Каменская, сумеет собрать достаточный по объему эмпирический материал; если сумеет разработать инструментарий, при помощи которого этот материал обработать; если у нее хватит ума глубоко и всесторонне осмыслить полученные результаты; если у нее достанет аналитических способностей сделать из результатов достоверные и неопровержимые выводы; если она обладает достаточным терпением, чтобы прочесть горы криминологической и криминалистической литературы, посвященной проблемам умышленных убийств, и написать литобзор, чтобы доказать, что ее взгляды являются оригинальными и доселе никем не

разрабатывались, а разрабатывать их всенепременно нужно, дабы перевести борьбу с убийствами на качественно иной уровень; если она «дружит с письменной речью» и ей удастся все это связно, последовательно, логично и убедительно изложить; если она сможет грамотно сформулировать цели и задачи исследования, его предмет и объект, а также выводы и предложения, то, вполне вероятно, она сможет создать нечто, достойное быть названным «Диссертацией на соискание ученой степени кандидата юридических наук».

– Так что не думайте, что написать диссертацию легко и просто, – усталым голосом поучал ее Городничий. – Вы должны быть готовы работать как каторжная, только тогда у вас что-то может получиться. Сегодня у нас понедельник, пятое апреля. Давайте встретимся в четверг, восьмого, вы принесете первый вариант рабочей программы.

Он посмотрел в расписание.

– У меня в четверг третья пара, значит, давайте часика в три, – Городничий черкнул что-то в настольном ежедневнике. – И над инструментарием подумайте.

Настя печально брела по бесконечным запутанным лабиринтам коридоров, похожих один на другой, и никак не могла найти выход. Все двери казались ей одинаковыми, в какой-то момент она обнаружила, что попала в другой корпус, и совершенно растерялась. Ей пришла в голову странная мысль о том, что все указывает ей на ее чужеродность и ненужность этому высоконучному учреждению. Если верить Городничему, она никогда не сможет написать диссертацию, потому что она не поняла даже половины того, что он ей говорил. И здание какое-то недружелюбное, непонятно, как оно спроектировано, и где что находится, и как пройти, и как выйти.

Все, все твердит, да что там твердит – в голос кричит ей: это не твое, ты здесь чужая, тебя здесь не примут, тебя здесь не хотят. Одним словом, уноси, Каменская, ноги, пока не поздно.

* * *

– Леш, я, кажется, совершила очередную ошибку.

– Да ладно тебе, – усмехнулся Чистяков, листая бумаги, сложенные в толстенную папку. – Не в первый же раз и, надо полагать, не в последний. Сейчас, Асенька, мне нужно еще минут десять, я закончу и буду готов выслушать твою скорбную песнь.

Ну вот, и мужу она тоже не нужна. У него работа, наука, лекции, монографии, ученики с их диссертациями, а жена на последнем месте, на каком-нибудь триста двадцать восьмом... Стоп, Каменская, у тебя уже и слезы на глазах появились! Ну-ка прекращай эти глупости, ты уже несколько месяцев назад все поняла про слезы и тотальное ощущение собственной ненужности и никчемности, и незачем снова к этому возвращаться. Все нормально, все в порядке, радуйся, что у твоего мужа есть работа, которой он занимается успешно и, что самое главное, с неугасающим интересом. Ладно, пусть у тебя не все в порядке, но у Лешки-то все в полном шоколаде, так что ж тебе не порадоваться за него? А заодно и за себя, давай-ка вдохни поглубже и поблагодари судьбу за то, что в твоей квартире, рядом с тобой живет талантливый ученый-математик, который любит свое дело и иногда даже получает за него более чем приличные гонорары в валюте, а не унылый безработный ворчун, валяющийся целыми днями на диване, уставившись в телевизор или в газету, и клянувший на чем свет стоит новую власть и новые порядки, лишившие его надежд на престижную работу и завидную карьеру. А еще ведь муж у тебя мог спиться и стать бытовым пьяницей или даже, не приведи господи, алкоголиком, углублялся бы в многодневные запои, уносил из дома вещи и деньги, приводил сюда собутыльников. А? Хочешь? Вон сколько женщин с такими мужьями мучаются, а тебе судьба послала нормального, вменяемого, непьющего, так что не ропщи понапрасну. А еще, между прочим, бывают мужья, которые таскаются по бабам и приносят домой чужие запахи, чужие слова, чужие мнения и вкусы, а случается, и чужие болезни. Тебя и от этого бог отвел. Ты что, не понимаешь, какая ты на самом деле счастливая?

Вот если не понимаешь, так пойдй на кухню, сядь за стол, задумайся в тишине и пойми, наконец.

Настя так и сделала. Уселась на кухне за стол, налила себе чаю. Хорошо, что кухня маленькая и до чайника можно дотянуться, не вставая, и зашуршала конфетными обертками. И откуда в человеке, и особенно в женщинах, эта неистребимая привычка подслащивать пилюльки? Чуть что не так – сразу за сладенькое хватаемся. Говорят, ученые целые трактаты уже давно опубликовали о причинах этого явления, то есть все все понимают, но делать

продолжают. Одним словом, наука своим чередом течет, а жизнь – своим, другим каким-то.

– Ну и что, дорогая, правильно ли я понял, что у тебя легкий шок от первого плотного контакта с научным миром? – насмешливо спросил Алексей, появляясь на пороге кухни.

– Тяжелый, – машинально поправила его Настя. – Не легкий шок, а тяжелый.

И вдруг сообразила, что надо бы удивиться.

– А как ты догадался?

– Ой, можно подумать! Я в этом мире столько лет варюсь, что было бы просто странно, если бы я не догадался. Тебя пугали, что ты не сможешь написать диссертацию?

– Пугали, – кивнула она, удивляясь еще больше.

– Говорили, что это не так просто, как кажется на первый взгляд, и тема у тебя сомнительная, надо бы еще обдумать как следует, обсудить с научным руководителем и подкорректировать. Говорили?

– Ага. – Настя слушала мужа как замороженная.

– И ждать заставили, хотя время предварительно согласовали?

– А как ты догадался?

– Асенька, ты повторяешься. Это все элементарно, это азы работы с аспирантами. Хотя в вашей системе аспиранты называются адъюнктами, суть не меняется. Девяносто пять процентов научных руководителей хотят иметь мальчиков на побегушках. А как заставить своего аспиранта бегать по поручениям, возить на машине, ездить на другой конец города, чтобы взять-отдать-передать какую-нибудь книгу, папку, сверток, сто рублей? Как сделать так, чтобы он взял твой паспорт и вместо тебя ехал в кассу покупать билет? Как сделать, чтобы он в любое время дня и ночи готов был все свои дела бросить и

ехать за тобой на дачу, потому что ты выпил и сесть за руль не можешь? Или мотался по всему городу в поисках нужного тебе лекарства? Да мало ли какие нужды бывают у научных руководителей!

– Все понятно, – удрученно вздохнула Настя, – надо создать у аспиранта ощущение, что без научного руководителя он ничто и ничего у него не получится.

– Как вариант, – кивнул Чистяков. – Ты – умненькая и профессионально грамотная, ты взялась писать диссертацию по проблеме, которой ты двадцать лет занималась на практике и в которой ты разбираешься заведомо лучше того, кто собирается тобой научно руководить, поэтому в твоём случае была выбрана тактика запугивания. Нужно было убедить тебя в том, что ты не такая уж умная, как сама о себе думаешь, и без усиленной помощи дяденьки руководителя тебе не справиться. Так что ты сейчас напишешь обоснование темы и рабочую программу, а он тебе ее завернет, да еще и с довольно резкой и оскорбительной критикой. Переделывать будешь раз пять, не меньше, пусть это не будет для тебя неприятной неожиданностью. Не смей думать, что ты глупая, просто помни, что это – его игра и его тактика в данной игре. Руководитель целенаправленно формирует у тебя чувство неуверенности в себе и глубокой благодарности к нему, далее по тексту.

– А другие варианты бывают?

– А как же. Например, диссертацию собирается написать человек, к этому совершенно не способный и это понимающий. Тупой, одним словом, или совсем неграмотный, или не имеющий соответствующего образования. То есть образование у него высшее, но по другому профилю. Из таких можно веревки вить, надо только сразу дать понять, что добрый дядя руководитель во всем поможет, все подскажет, всему научит. Например, сделать несколько замечаний по рабочей программе, отправить на доработку, потом опять и опять, и потом сказать: ладно, оставьте ваши бумаги, я сам напишу. Научному-то руководителю, доктору наук, эту программу написать – раз плюнуть, а несчастный аспирант считает, что ради него был совершен подвиг. И все, он твой. Делай с ним что хошь.

– погоди, Леша, а дальше-то как же? – не поняла Настя. – Ну, допустим, рабочую программу ему написали, а диссертацию ему кто будет писать? Если он сам совсем ничего не может, то что же, научный руководитель ее напишет?

– Разные варианты, – он пожал плечами и сунул в рот веточку петрушки. – Либо аспирант бьется как рыба об лед, ничего толкового не рождает, и к концу первого года обучения его отчисляют за невыполнение плана аспирантской подготовки, но за этот год руководитель все, что мог, с него поимел; либо руководитель все-таки что-то за него написал, ну хоть пару страничек или маленькую статейку в сборник работ аспирантов и соискателей, а на заседании кафедры расписал своего ученика как великого труженика, который не покладая рук – и так далее. Человек учится в аспирантуре еще год, и снова либо его отчисляют, либо руководитель его спасает.

– А потом что?

– А потом опять же два варианта. Либо человек заканчивает аспирантуру с ненаписанной диссертацией и исчезает, либо рано или поздно представляет в ученый совет работу, которую ему кто-то написал.

– Кто? – допытывалась Настя.

– Да кто угодно. Научный руководитель или любой другой специалист, значения не имеет.

– И что, за одни только услуги, за беготню по аптекам и езду на машине на дачу?

– Да нет, зачем же, здесь счет идет уже на деньги. Аська, ты меня прости, убогого, тебе, конечно, интересны высокие материи и всякое разное из мира науки, но я грубо и примитивно хочу жрать. Давай уже будем ужинать, а? Тем более ты на два с половиной месяца ушла из милиционеров в домохозяйки.

– Леш, ты чего? – Настя не на шутку испугалась. – Ты серьезно, что ли?

– Более чем. Поскольку я мужчина и обладаю некоторой физической силой, то продукты я принес и даже частично приготовил. Но разогревать, подавать на стол, делать салаты и резать хлеб с сегодняшнего дня будешь ты. До тех пор, пока не закончатся твои два слитых воедино чудесных, прекрасных, восхитительных отпуска.

– Леш...

– Ася!

– Поняла, – покорно пробормотала она. – Но ты мог бы предупредить заранее.

– А какая разница? Я предупредил тебя сейчас. Жизнь адъюнкта – это совсем другая жизнь, пусть даже ты и адъюнкт-заочник, вот и начинай новую жизнь с новыми привычками.

Вообще-то Настин муж неплохо владел собой, но сейчас, чтобы не расхохотаться, глядя на ее растерянное лицо, ему пришлось запихнуть в рот целый пучок зелени.

– Я тут с Коротковым разговаривал, – произнес Леша как можно безразличнее, отвернувшись к окну, – так он мне поведал, как ты пирожки пекла, пока я в Штатах был. Вкусные, говорит, были пирожки-то.

– Когда это ты с ним разговаривал? – встрепелась Настя.

Душу кольнуло нехорошее подозрение. Неужели сегодня? Ведь просила же его, как человека просила...

– Сегодня, часа два назад.

– Зачем он звонил?

– Господи, Ася, да что с тобой? – Чистяков посмотрел на нее с укором. – Юрка твой друг столетней давности. Что особенного в том, что он тебе позвонил?

– Ничего, – она вздохнула. – Если бескорыстно звонил, то ничего. Я его предупредила, что ты меня к телефону подзывать не будешь, чтобы даже и не надеялся.

– Ладно, не буду. Видишь, какой я покладистый. И не думай, пожалуйста, что, если ты будешь сидеть и разговаривать со мной, ужин сам разогреется и подастся на стол. Чудес не бывает.

– Не бывает? – безнадежно переспросила Настя.

– Не-а, – покачал головой Леша. – Не бывает.

– Ты жестокий, – печально констатировала она, вставая из-за стола.

– Я прожорливый, – возразил он. – И невероятно храбрый, поскольку не боюсь скончаться от твоих кулинарных потуг.

– Может, не стоит рисковать? – Настя отчаянно хваталась за соломинку в надежде, что муж передумает.

– Кто не рискует, тот... впрочем, сама знаешь. Давай, любимая, отринь сомнения и вперед. Начни с малого, приготовь ужин, потом попробуешь сочинить рабочую программу, а там, глядишь, и до диссертации дело дойдет.

Она поняла, что надеждам сбыться не суждено и придется как-то приспособливаться к новым обстоятельствам.

– А из чего салат делать?

– Из силоса, надо полагать. Открой холодильник, обозри содержимое, прояви здоровую фантазию и прими решение.

Настя открыла холодильник и с тоской принялась оглядывать круглые помидоры, покрытые пупырышками огурцы, глянцево-красные болгарские перцы и пучки разнообразной зелени. В принципе, ничего сложного. В миске замаринованные куски мяса, их надо ухитриться как-то пожарить, чтобы не сжечь, не пересушить и не получить стейк с кровью. По сравнению с проблемой мяса салат – просто детские игрушки. У Лешки есть какие-то свои секреты, благодаря использованию которых отбивные у него получаются сочными и вкусными. Ну что ж, наверное, Чистяков прав, нельзя много лет функционировать «в одном формате», надо что-то менять в жизни, от одних привычек отказываться, другие приобретать, иначе жизнь превратится в застоявшееся болото.

Она достала овощи и мясо, разложила на столе, повязала фартук.

– Леш, у меня два вопроса, можно?

– Валяй.

– Ты поделишься со мной своими секретами в части приготовления мяса? Или ты настаиваешь на том, чтобы я всю науку познавала путем проб и ошибок?

– Поделюсь. И в части рыбы тоже. Я даже готов прочесть тебе отдельную лекцию по технологии тушения овощей. Второй вопрос?

– Лешенька, я покорно принимаю твое решение и буду его безропотно выполнять. Но почему? И почему именно сейчас?

– А чтобы не скучно было. Это внесет в нашу с тобой размеренную жизнь некоторую пикантность. И потом, это же всего на два с половиной месяца. Хотя если ты войдешь во вкус, то я готов продолжить эксперимент, когда ты снова вернешься к своим трупам.

Настя расхохоталась, сделала страшную физиономию и провещала утробным голосом:

– И я буду готовить тебе еду теми же руками, которыми за час до этого осматривала мертвое тело! Я принципиально не буду мыть руки, приходя с работы, и с этих рук ты будешь принимать корм!

И почему она решила, что салат – это просто? Наверное, это просто, когда нож в руках у Лешки, а она смотрит со стороны и наивно полагает, что все получается само собой: дольки огурца – тонкие и ровные, помидор несколькими легкими движениями рассекается на шестнадцать частей, перец сам рассыпается на одинаковые по толщине кольца, а укроп, зеленый лук, петрушка и кинза от одного прикосновения ножа превращаются в аппетитно пахнущую сыпучую кучку зелени. Из огурца у нее получились корявые шайбы, которыми можно было голову пробить, помидор давился прямо под ножом, превращаясь в заготовку для томатного сока, перец при первом же нажатии сломался с сочным хрустом, и вместо колечек из-под ножа выходили какие-то кривые полоски, смутно напоминающие рахитичные ножки. О зелени и говорить нечего, она все время выskalзывала из пальцев и норовила упасть на пол.

Ничего, утешала себя Настя, я способная, несколько дней потренируюсь и буду строгать силос не хуже Чистякова. А может, даже и лучше!

И снова, второй раз за этот день, ее посетила мысль, показавшаяся совершенно бредовой: если она научится легко и красиво резать салат, то уж с рабочей программой и всяким там инструментарием тем более справится, а если после упорных тренировок сможет овладеть искусством жарить мясо так же здорово, как Лешка, то и с диссертацией совладеет.

Вот ведь глупость-то, а? Какая связь? Где поп, а где приход? Болит голова, а уколы в ягодицу делают. Но Настю в тот момент обуяла какая-то прямо суеверная убежденность в том, что связь есть. В конце концов, и научная работа, и кулинария – новые стороны ее жизни, требующие новых знаний и навыков. Если она преуспеет в чем-то одном, это будет означать, что она еще не совсем отупела и закоснела, что голова работает, память не отказывает, логические связи пока еще выстраиваются безошибочно. Она еще в «рабочем» возрасте, она в состоянии воспринимать новые знания и обучаться новым приемам и методам деятельности. Если получится одно, то получится и другое.

А Лешка... Неужели он тоже об этом подумал? Неужели он знал? И не нужна ему никакая пикантность в их семейной жизни, он просто хочет ей помочь. И на всем белом свете он – единственный, который знает, как это сделать. Полгода назад Настя имела возможность в этом убедиться, когда наступление у нее «кризиса среднего возраста» Чистяков заметил куда раньше ее самой, и не просто заметил, а обдумал и нашел смешной и оригинальный способ помочь ей в борьбе со страхом старости.

Или она ошибается, и Лешка вовсе не думает о том, как ей помочь, а просто ему надоело из года в год, изо дня в день стоять у плиты и готовить и подавать ей еду, поскольку как-то так с самого начала было принято, что, дескать, она за целый день изнемогла в ловле душегубов и имеет право на покой, тишину и горячую еду. Да, много лет это устраивало Чистякова, а теперь вдруг раз! – и надоело. Ему хочется что-то изменить в своей жизни, например, просто побыть обыкновенным мужем, каких тысячи и которые читают за столом газету, а жены подносят им еду. А что, собственно говоря, в этом неправильного? Испокон веку мужчины добывали пропитание, то есть зарабатывали деньги, а женщины хозяйничали у очага и кормили мужчин тем мясом, которое они добыли в честной охоте. Чистяков зарабатывает больше Насти, это очевидно. Стало быть, свою функцию добытчика пропитания он выполняет. А она что же себе думает?

Почему не делает того, что ей на роду написано? Почему не выполняет свою функцию хозяйки и кормилицы?

А вдруг у Чистякова другая женщина? И Настино бытовое безделье стало его раздражать? Так всегда бывает: пока ты сосредоточен на одном человеке, его недостатки не режут глаз, но, как только появляется объект, с которым можно сравнивать, сразу картина меняется. И вдруг начинаешь видеть и седину, и морщины, и обвисающую кожу, и замечаешь то, чего раньше не замечал, и раздражаешься от того, что еще вчера казалось милой особенностью или смешной привычкой.

Настя осторожно повернула голову и посмотрела на мужа, склонившегося над пасьянсом. «Господи, – с каким-то отчаянием подумала она, – как я его люблю! Я люблю его так сильно и так давно, что уже забыла о том, что люблю. Просто привыкла к этому состоянию, как рыба привыкает к воде и не замечает ее, а лишившись воды, задыхается и умирает. Я задохнусь и умру, если он от меня уйдет. Надо сказать ему об этом, сейчас же сказать, немедленно!»

– Лешик...

Телефон не дал ей договорить, запиликав маловразумительную мелодию. Алексей протянул руку к трубке, не отрывая глаз от разложенных на столе карт.

– О, привет! Рад тебя слышать! Да, дома. Сейчас.

Он протянул трубку Насте.

– Не бойся, это не Коротков, – шепотом сообщил он. – Это Лилька Стасова.

Настя облегченно перевела дыхание. Дочка Владика Стасова училась в одном из многочисленных юридических вузов и регулярно обращалась то к отцу и его жене, то к Насте в поисках старых учебников и монографий, которых не было в институтской библиотеке. В те времена, когда Настя училась в университете, в библиотеке юрфака можно было найти практически все, что было написано и издано по юридическим наукам чуть ли не с двадцатых годов прошлого века. Но сколько тогда в Москве было юридических вузов? Раз-два – и обчелся. Сегодня же институтов, дающих юридическое образование, развелось столько, что упомянуть их невозможно, потому как юристы, в особенности цивилисты,

специалисты по договорам, недвижимости и финансам, стали жуть как востребованы. Институты возникали то на базе каких-то других вузов, а то и вовсе на пустом месте, и о том, чтобы в их библиотеках нашлась литература, изданная чуть раньше, чем в последние десять лет, даже мечтать было глупо. А Лилька Стасова – девочка вдумчивая, старающаяся в каждом вопросе докопаться до истоков и корней, поэтому она частенько обращалась то к Насте, то к жене отца Татьяне за старыми учебниками и монографиями, оставшимися еще со времен их учебы в университете.

– Тетя Настя, вы в маньяках разбираетесь?

Настя озадаченно почесала ухо и плюхнулась на стул, чтобы удобнее было разговаривать.

– Ну... постольку-поскольку. А в чем дело?

– Вы мне скажите, маньяки могут заниматься устранением свидетелей, или им все равно?

– Хороший вопрос, – усмехнулась она. – А почему ты его тете Тане не задала? Она все-таки столько лет следователем проработала, тоже должна разбираться.

– Я задала, а она меня к вам переадресовала, потому что она всякими делами занималась, а вы – только убийствами, то есть у вас опыта больше. Понимаете, я подумала, что если маньяк действительно настоящий, то он убивает, когда ему уже просто невозможно не убить, или ему мерещится там что-нибудь, например, что женщина, которая едет с ним в электричке, – посланник дьявола и ее нужно непременно устранить, иначе наступит мировая катастрофа. Разве такой преступник будет потом думать о том, чтобы устранить свидетелей?

– Такой – не будет, – согласилась Настя. – Но такие встречаются очень редко. Под словом «маньяк» мы обычно понимаем серийного убийцу, человека, одержимого манией, навязчивой идеей или навязчивым желанием, например, убивать женщин определенного типа внешности, потому что когда-то женщина с такой внешностью отвергла его. И он вполне сознательно выискивает свои жертвы, отслеживает их, продумывает план убийства, а если что-то идет не так, принимает меры, в том числе и устраняет свидетелей. Настоящий сумасшедший маньяк – это человек невменяемый, то есть он либо не отдает себе отчет в том,

что делает, либо отчет отдает, понимает, что убивает, но действиями своими руководить уже не может, то есть не может взять себя в руки и остановиться. Вот такие свидетелей не убирают. А все остальные – очень даже запросто. И этих остальных намного больше, чем настоящих невменяемых. Я удовлетворила твое любопытство?

– Да, спасибо.

В голосе Лили Настя уловила не то разочарование, не то сомнение.

– А почему ты спросила? Зачем тебе это?

– Да я курсовую по криминологии пишу... А в учебниках про это совсем мало сказано...

– Ну, я рада, что оказалась тебе полезной, – Настя снова усмехнулась и жестом попросила мужа, чтобы проверил мясо на сковороде: не пора ли переверачивать. – А я, в свою очередь, могу обратиться к тебе с просьбой?

– Конечно, тетя Настя, – с готовностью отозвалась Лиля.

– Ты уже взрослая, и если ты мне врешь, то, вероятно, у тебя есть на это веские причины, и вполне возможно, причины даже уважительные, поэтому я не в претензии. Но, пожалуйста, в следующий раз, когда соберешься меня обманывать, делай это как-нибудь... половчее, что ли, поизящнее. А то, когда меня пытаются провести на такой дешевой мякине, я начинаю думать, что ты считаешь меня полной идиоткой, которую можно обмануть за три копейки. Согласись, это не очень приятно.

– Я не обманываю, тетя Настя... – залепетала девушка. – Мне правда для курсовой...

Настя не стала слушать эти глупости и мягко оборвала ее:

– Лиля, я могу считать, что мы договорились? Ты мне врешь, и я это отлично понимаю. Просто имей в виду на будущее, что вранье надо заранее обдумывать и выстраивать, чтобы не оказаться в глупом положении, особенно когда имеешь

дело с людьми старше себя. Все, дорогая, целую страстно, папе и тете Тане передавай привет.

Она бросила трубку на стол и вернулась к изнурительному труду по изготовлению салата. Чистяков, оторвавшись от пасьянса, с любопытством прислушивался к ее разговору с Лилей.

– Аська, а почему ты решила, что она врет? – спросил он. – Может, ты зря на ребенка наехала?

– Ну прямо-таки! – фыркнула Настя и тут же чуть не порезалась. – Вот черт, кусок ногтя отстригла. Леш, дай свои очки на минутку, надо эту расчлененку из салата извлечь, а у меня уже глазки слабенькие.

Он протянул ей очки. Настя нацепила их на нос и осторожно вытащила из кучки нарезанной зелени кусочек ногтя.

– И вдаль не вижу, и вблизи не вижу, – пожаловалась она, возвращая Леше очки. – Это что получается, близорукость вместе с дальнозоркостью, что ли?

– Именно так и получается, – кивнул он. – Типичное возрастное явление.

– Если ты еще раз напомнишь мне о моем возрасте, – угрожающим тоном начала она.

– То ты меня убьешь, – тут же подхватил Чистяков, – и тогда тебе придется до самой смерти готовить себе еду самой, а так тебе предстоит промучиться всего два с половиной месяца. Никогда не поверю, чтобы ты с твоим аналитическим мышлением не понимала, что выгодней. Кстати, ты мне насчет Лильки не ответила. Почему ты уверена, что она тебя обманывала?

– Потому что всего месяц назад она брала у меня книги по теории государства и права. И ей неизвестно одно из основных понятий уголовного права – понятие невменяемости.

– И что? – не понял он.

– Леш, я, конечно, по твоим представлениям, глубокая старуха, о чем ты не забываешь мне регулярно напоминать, и в университете я училась в прошлом веке, но все-таки это было не сто пятьдесят лет назад, и кое-что я еще помню. Нет и не может быть такого учебного плана в нормальном вузе, по которому теория права преподается одновременно с криминологией. Сейчас она изучает теорию и прочие основополагающие дисциплины вроде истории государства и права, философии, истории политических учений, потом пойдут конкретные отрасли права, причем сначала конституционное, государственное, а уж потом уголовное, которого она явно еще и не нюхала, а только потом настанет очередь криминологии. А Лилька мне на голубом глазу заявляет, что пишет курсовик именно по криминологии. Да она его писать сможет не раньше, чем через два года. И по-твоему, я должна это скушать?

– Не должна, – согласился муж. – А почему же она врет?

– Да бог ее знает, – Настя махнула рукой, при этом с широкого лезвия ножа соскользнула долька помидора и шмякнулась на пол. – В этом возрасте все врут. У них какая-то искаженная картина мира в голове, и им кажется, что нам, заплесневелой ветоши, правду говорить ну никак нельзя, потому что мы, ветошь плесневелая, все равно ничего в жизни не понимаем, а уж в их жизни – в особенности.

С тяжким вздохом, держась за поясницу и изображая непереносимые мучения, она наклонилась, чтобы поднять прыткий овощ, не желающий оказаться съеденным, и выбросить в мусорное ведро.

– Ты видишь, Чистяков, от меня в хозяйстве одни убытки, я половину продуктов роняю на пол, и их приходится выбрасывать, а в другую половину настригаю части своего нежного организма. Может, переменишь решение, а?

– Ни за что, – отрезал Алексей. – Настоящие мужчины от своих решений не отступают.

С салатом Настя худо-бедно справилась, присмотреть за мясом Чистяков снисходительно помог, давая попутно разъяснения и советы, которые она старалась запомнить с первого раза, и в целом ужин получился очень даже славным.

Если бы не Коротков...

Он все-таки позвонил, причем именно в тот момент, когда Настя, пребывая в эйфории от вкусной и почти собственноручно приготовленной еды, утратила бдительность и сама взяла трубку, услышав звонок.

– Ну, ты как? – осторожно начал он.

– Нормально, – бодренько ответила она.

– Чего делала в первый день отпуска? Валялась с книжкой?

– Ездила на кафедру, общалась с научным руководителем. Наслушалась всяких кошмаров и страшилок.

– Слышь, Ася, а у нас, похоже, серия намечается...

– Ничего не знаю! – отрезала она.

Но хитрый Коротков сделал вид, что не услышал, и неторопливо продолжал:

– Помнишь, в середине марта был труп в Печатниках? Я сегодня сводку смотрел, появился еще один, очень похожий.

– Юра, мы же договорились, – умоляюще произнесла она. – Ну будь ты человеком, пожалуйста.

– Ну давай я тебе хоть расскажу, – не отставал Коротков.

– Я ничего не хочу слушать. Я в отпуске. В длинном. Сначала в очередном, потом в учебном. На два с половиной месяца. Мне нужно позаботиться о своем будущем, потому что ни ты, ни кто-либо другой за меня этого не сделает. Ты в состоянии это понять?

– В состоянии, – угрюмо пробормотал Коротков. – Значит, нет?

– Нет.

– Твердо? Окончательно?

– Твердо и окончательно.

– Аська, а ведь я твой друг. Неужели не поможешь? Что, двадцать лет дружбы – псу под хвост?

– Юра, я тоже твой друг. Неужели ты не можешь войти в мое положение и мне помочь? И насчет пса с хвостом я могу сказать тебе в точности то же самое.

– Ну ладно, мать, извини, что побеспокоил. Но просто так звонить можно?

– Просто так – можно, – разрешила она.

Ужин, конечно, получился вкусным, но после разговора с Коротковым Насе отчего-то показалось, что еда горчит. И вообще было как-то... неприятно, что ли. Тяжело на душе. Одним словом, остался противный такой осадок, испортивший остаток вечера.

* * *

– Куда ты собираешься?

А голос-то, голос! Ну прямо надзирательница или какая-нибудь классная дама из пансиона для благородных девиц. И праведное негодование в этом голосе, и презрение, и уверенность в том, что не ответить Аля не посмеет, и одновременно уверенность в том, что тетка наверняка скажет неправду.

– А ты считаешь возможным задавать мне такие вопросы? – спросила она, чуть улыбнувшись и продолжая натягивать шелковистые колготки. – Более того, ты считаешь возможным входить ко мне, когда я одеваюсь?

– Судя по тому, как ты одеваешься, ты опять собралась на свою позорную случку! – фыркнула Дина. – Как ты можешь? Нет, я не понимаю, как ты можешь!

Он моложе тебя, он тебе в сыновья годится. Неужели тебе не стыдно?

Аля оглядела себя в зеркале, провела ладонями по узким бедрам, открыла шкаф, достала облегающую трикотажную юбку средней длины; таких юбок у нее было по меньшей мере пять или шесть, в них ей было удобно водить машину. Длинные узкие юбки стесняли движения, а юбки покороче, но другой конфигурации, не такие, как выражается племянница, «в вызывающую облипочку», Элеонора не любила еще с юности, и все эти клеши, плиссе и гофре прошли мимо нее. Она всю жизнь носила только прямое и узкое, благо фигура позволяла.

Дина стояла в дверном проеме, облаченная в обычный свой балахон, на сей раз оранжевый с коричневыми пятнами и разводами, но, слава богу, без свечи. И говорила она с теткой нормальным голосом, без подвываний и специфических модуляций, призванных нагонять таинственность.

Аля невольно вспомнила недавний свой страх перед девушкой, которая показалась ей тогда самой настоящей сумасшедшей. Нет, сегодня она была обычной, никаких признаков безумия в ней не наблюдалось. Да, она хамит, она неподобающим образом разговаривает с сестрой отца, которая чуть ли не в три раза старше ее самой, да и с отцом тоже, она сует нос не в свое дело, но это – всего лишь особенность характера и дефекты воспитания, а отнюдь не признаки безумия.

– Диночка, я не собираюсь обсуждать с тобой свою личную жизнь, – спокойно произнесла Аля. – Я говорила тебе об этом неоднократно. Ты не производишь впечатления тупой девицы, которой надо все повторять по десять раз. Так в чем же дело?

– Это не личная жизнь, а сексуальная. Половая, если хочешь. Это неприлично.

О господи, как она устала от всего этого! Три года, как с ними нет Веры, и за эти три года Дина выжала из своей тетки все соки, выпила из нее весь запас долготерпения и сострадания. Осталось только понимание. И еще любовь. Аля любила племянницу, и Ярослава, Славика, младшего брата Дины, она любила, и их отца, своего брата Андрея, она тоже любила. Но если с Андрюшей и Славиком проблем не было никогда и никаких, то Дина – это что-то! Аля давно уже поставила бы девчонку на место раз и навсегда, но удерживало понимание. Да, она не только любила Дину, но и понимала, почему она так себя ведет. Конечно,

для Элеоноры Николаевны Лозинцевой понимание вовсе не означало прощения, но помогало сдерживаться и не реагировать на выходки Дины слишком уж бурно. Вместо повышенного тона и резких требований «заткнуться и не лезть», она прибегала к аргументам, рассуждениям и всему прочему арсеналу, позволяющему снизить накал конфликта.

– Кто тебе сказал, что половая жизнь – это неприлично? – осведомилась Аля, открывая по очереди тюбики губной помады и прикидывая, какой цвет наилучшим образом будет сочетаться с бежевым шерстяным джемпером. – И кто тебе сказал, что термин «половая жизнь» более неприличен, чем «сексуальная»? Они обозначают одно и то же. И оба относятся к нормативной лексике.

Она остановила наконец свой выбор на цвете, обозначенном на тюбике, как «ранняя осень», наредила губы, нанесла тонкий слой пудры, провела щеткой по волосам. Все. Она готова.

– И чтобы ты могла спокойно уснуть, довожу до твоего сведения, что я еду не к любовнику, а к бабушке, – сообщила она с улыбкой, отодвигая Дину и выходя из своей комнаты в прихожую.

– К бабушке? В десять вечера? – недоверчиво протянула девушка.

– У бабушки бессонница, она раньше трех часов ночи не засыпает, и тебе прекрасно это известно.

– А если я через полчаса позвоню бабушке и проверю?

– Твоя воля, – пожала плечами Элеонора и направилась на кухню, выполняющую в их квартире функцию общей гостиной.

Они живут вчетвером – Андрей, девятнадцатилетняя Дина, шестнадцатилетний Славик и она, Аля, – у каждого своя комната, а всего комнат четыре. Да и зачем им общая гостиная? Все равно в этой семье не принято собираться всем вместе, и едят все в разное время, и в каждой комнате есть отдельный телевизор. И вообще жизнь у каждого своя. А Аля в этой семье выполняет функцию домработницы, если уж называть вещи своими именами.

Андрей на кухне пил чай и читал какой-то бизнес-журнал.

– Андрюша, я еду к маме. Ты, кажется, хотел ей что-то передать?

Брат восторгнулся, отложил журнал, потянулся к стоящему под столом кожаному портфелю. Всю жизнь Аля умилялась этой его смешной привычке: не оставлять портфель в прихожей, не уносить сразу к себе в комнату, а ставить под ноги в кухне. Так было и со школьным ранцем, и с модными студенческими сумками, набитыми книгами и конспектами, и с «дипломатами», и с дорогими кожаными изделиями, пришедшими несколько лет назад на смену ширпотребу. Надо же, ее брат из долговязого Андрюшки, к которому в детстве благодаря баскетбольному росту прилипло прозвище Дядя Степа, превратился в начальника отдела крупного банка Андрея Николаевича Лозинцева, а привычка так и осталась...

Он вытащил из портфеля и протянул сестре две видеокассеты.

– Вот, возьми, мама хотела посмотреть ремейк фильма «Лев зимой», который сделал Кончаловский, и сравнить с первой версией, где играла Кэтрин Хепберн. Я достал ей оба варианта.

Аля взяла кассеты, сложила в пакет – в сумочку они не поместятся.

Протянула руку, запустила пальцы в густую шевелюру Андрея, слегка потянула – это тоже из их детства: жест, которым они выражали нежность друг к другу. Правда, пока Андрей был совсем маленьким, он мог только тихонько дергать старшую сестру за пряди, а когда подрос, жесты у обоих стали совершенно одинаковыми, тем более что был он мальчишкой на редкость высоким, а Аля, наоборот, росточком не вышла, и несмотря на разницу в двенадцать лет, он уже к десяти годам мог свободно класть руку ей, двадцатидвухлетней, на голову.

– Устаешь ты с нами, Элечка? – виновато не то спросил, не то констатировал Андрей. – Свалились мы на твою голову... Никакой жизни у тебя с нами нет.

– Да глупости, Андрюшик, – ласково ответила она, – у меня все в порядке, и жизнь у меня нормальная. И даже в некотором смысле личная, – не удержалась Аля от усмешки.

– Достает тебя Динка, – вздохнул он. – Я же все слышу. Спасибо тебе, что не срываешься, терпишь. Ей ведь тяжелее всех приходится.

– Я понимаю. Славик придет с тренировки, разогрей ему жаркое, оно в кастрюле на плите. Ну, я пошла?

– Будь осторожна, ладно?

И это тоже было традицией, появившейся много лет назад. Высоченный Андрей с того самого момента, как перерос сестру на первые пять сантиметров, стал воспринимать ее как крошку-малышку, которую любой может обидеть. И уже лет с двенадцати просил ее быть осторожной каждый раз, когда та выходила из дома. Но что самое удивительное, Элеоноре никогда не приходило в голову, что это смешно. Просто братишка любит ее и таким способом проявляет свою любовь, что же в этом может быть смешного?

– Ладно, – абсолютно серьезно ответила она, – я буду осторожна.

– И позвони, как только доедешь до мамы.

– Хорошо, позвоню.

– И когда будешь выезжать от нее, тоже позвони.

– Андрюша, ты в это время уже будешь спать. Я поеду уже за полночь, дороги будут свободными, ну что со мной может случиться? Я езжу очень аккуратно, ты же знаешь.

– Вот как раз за полночь по дорогам гоняют пьяные, – упрямылся брат. – Элечка, ну когда ты едешь поздно вечером по личным делам, это я могу понять. Но неужели к маме тоже обязательно ездить на ночь глядя?

И этот разговор тоже стал традиционным, правда, традиция такая появилась всего пару лет назад. У Элеоноры мелькнула мысль о том, что вся ее жизнь состоит из одних традиций. Ну, почти вся. Она собиралась поговорить с братом о Дине, о странностях в ее поведении, перешедших границы нормы и приближающихся к явной патологии, но все что-то мешало, не давало ей начать

разговор. И в эту самую минуту она поняла, что именно: сначала она поговорит об этом с мамой. Так было всегда, так Аля привыкла поступать с детства: все, что так или иначе касалось Андрюши, сначала обсуждалось с родителями и только потом – с ним самим, и лишь при условии, что родители давали добро на такой разговор.

– Днем я просто не успеваю, – спокойно сказала Аля. – У нас с мамой бессонница, это наследственное, я засыпаю только под утро и сплю почти до двенадцати, а то и дольше. Потом начинаются стирка, уборка, магазины, готовка, иногда и по своей работе надо что-то поделать... А маме в радость, если я приеду вечером, ночное одиночество – оно самое тяжелое.

Перед уходом она заглянула в комнату брата, открыла шкаф, проверила костюмы, сорочки, ботинки. Черный костюм для официальных мероприятий еще хорош, Андрей редко его надевает, вот эти два – относительно новые и в прекрасном состоянии, а вот этот, летний, светло-серый, шелковый, уже никуда не годится. Через два месяца лето, нужно позаботиться о легком костюме заранее, это ведь не так просто – пошел и купил, надо созваниваться с закройщиком, искать ткань, шить, или, как говорят профессионалы, «строить». С ботинками та же история, летнюю обувь надо проверять уже сейчас. И с сорочками. А как иначе, если у Андрюши рост два метра семь сантиметров и размер ноги сорок девятый? Все только на заказ. Уже и со Славиком проблемы начинаются, в нем метр девяносто восемь, но он пока еще носит такую одежду, которую можно покупать без примерки, – джинсы, майки, свитера, кроссовки, и все это периодически привозится из США либо самим Андреем, либо его знакомыми, а спортивная одежда для баскетболистов и в России есть.

Аля сделала себе мысленную заметочку насчет портного и обувщика для брата и стала одеваться в прихожей. Дверь в комнату Дины была чуть приоткрыта, оттуда доносилась негромкая музыка, жанровую принадлежность которой Элеонора затруднилась бы определить: не то что-то спиритическое, не то эзотерическое, не то мистическое. Не удержалась, подошла ближе, заглянула – никаких свечей, никаких ритуальных предметов, магических кругов и стеклянных пирамидок. Обычная комната обычной девушки, которая сидит себе на диване в свободном домашнем платье, поджав ноги, и читает книжку. Вот только музыка... но это, в конце концов, вопрос вкуса, не более того. У Али музыкальные вкусы старомодные, все, что появилось за последние пятнадцать лет, она не приемлет, так что, может быть, и музыка вполне нормальная, просто она не разбирается.

Вечерняя Москва – это не ночная Москва, это совсем-совсем другой город, и его Элеонора Николаевна Лозинцева тоже любила, уже за одно то любила, что он совсем не был похож ни на город утренний, сонный и свежий, ни на дневной, суетливый и бестолковый. В вечерней Москве не было бестолковости, в ней все было расписано и четко, все слои двигались в понятном порядке и в прогнозируемом направлении. Из театров. Из ресторанов. В ночные клубы и казино. Со свиданий. В бордели. Из гостей. На тусовки, как богемные, так и полукриминальные. Дорога к дому матери шла по Чистопрудному бульвару, и иногда, под настроение, Аля позволяла себе припарковать машину возле метро и пройти от памятника Грибоедову до пруда, постоять минут десять, выкурить одну сигарету (дома она не курила, Андрей не выносил запаха табачного дыма) и вернуться к автомобилю. Вечером здесь образуется особый мир, свой, непонятный и загадочный, мир наркоманов и тех, кто хочет быть на них похожими, мир молодых людей, которые сидят исключительно на спинках скамеек, поставив ноги на сиденья, мир девушек с выбеленными лицами и вычерненными волосами и молодых людей, с делано деловитым видом переходящих от одной компании к другой и создающих самим себе иллюзию занятости, нужности и вообще активности. Мир этот источал опасность, и если в семь-восемь вечера эта опасность еле-еле витала в воздухе, то к десяти-одиннадцати часам она сгущалась в атмосфере и становилась похожа на кисель, сквозь который порой было трудно пройти. Нет, Аля знала, что ее здесь не убьют и даже не обидят, эта, чистопрудненская, тусовка не была агрессивной, она не обращала внимания на прохожих и никого не задевала, но все равно опасность висела и даже стояла, как низкий туман.

Наверное, именно так ощущаются вовне чужие несправедливые мысли и чувства, когда носителей этих мыслей и чувств собирается много в одном месте. Может быть, Динка с ее обостренным нюхом тоже так чувствует свою тетку?

Але нравилось видеть и понимать, сколь многослойна Москва, сколь неоднозначна, как много самых разных, не похожих друг на друга и порой даже почти не пересекающихся и не знающих друг о друге слоев и потоков в ней сосуществуют бок о бок. Разве почтенная мать семейства, вырастившая детей и пестующая внуков, живущая, например, в Черемушках и вливающаяся в потоки дневной Москвы, курсирующие по маршрутам «дом – магазин – рынок – химчистка – дом», разве эта уважаемая мать семейства, после пяти вечера не выходящая из дома, потому что нужно всех встретить, накормить, обогреть, обиходить и уложить, может знать о том мире, который возникает каждый вечер на Чистых прудах? Или о том странном и пугающем мире глухих и глухонемых, оживающем ближе к ночи на Комсомольской площади, у трех вокзалов? Или о

том, какие чудовищные разговоры и немыслимые с точки зрения здравого смысла лозунги с неофашистским душком можно услышать в Тимирязевском парке? Нет, никогда эта милая уютная женщина не узнает о тех мирах и тех потоках и не пересечется с ними, если, конечно, в них не попадет кто-то из ее близких.

Сегодня Элеонора останавливаться у Чистых прудов не стала, бросила привычный взгляд на пяточок возле метро, где обычно оставляла машину, но почувствовала, что нет настроения. Ей хотелось поскорее увидаться с мамой и поговорить с ней о Динке. Зато на обратном пути она выберет маршрут подлиннее и сможет полностью насладиться ночным городом, у которого совсем, совсем другой запах. Запах богатства и неприкаянности, запах преступной любви и преступных помыслов. Запах обмана, который во что бы то ни стало надо постараться скрыть. Запах ненависти, которая как-то растворилась в дневных заботах и суете, а теперь, ночью, осталась единственной вибрирующей струной, звук которой разносится далеко-далеко. Запах безысходного одиночества, которое так остро ощущается именно ночью. А чем дальше от полуночи и ближе к рассвету, тем ощутимее становится самый страшный запах – запах смерти.

Аля любила эти метаморфозы, происходящие то ли с самим городом, то ли с ее восприятием. Они делали ее жизнь насыщеннее, богаче, придавали ощущение нескучности и немонотонности. Если бы не они, эти спасительные метаморфозы, она бы, наверное, сошла с ума от однообразия. Вот уже почти сорок лет она живет в большой и тягучей скуке, отдает себе в этом отчет и все эти годы старательно делает все, чтобы не поддаться, не увязнуть, не впасть... Она хватается за любой повод, за любое событие, которым может расцветить свою жизнь, но в глубине души понимает, что настоящей жизни и настоящих красок, настоящих звуков и запахов у нее не будет. Она отравлена. Отравлена почти сорок лет назад одним-единственным человеком. И ничто ее от этой отравы не спасло, ни два замужества, ни более чем удачный и успешный сын, ни длительная жизнь за границей. Яд проник в кровь мгновенно и навсегда. И без этого человека не будет в ее жизни ничего настоящего. И самого этого человека тоже не будет. Никогда.

* * *

В преддверии своего восьмидесятилетия Ольга Васильевна Лозинцева могла пожаловаться только на ноги, которые вот уже лет десять ее подводили. Болели почти постоянно, а иногда и хромота появлялась, так что приходилось пользоваться палкой. Во всем же прочем она была полностью сохранной, прекрасно сама себя обслуживала и ни за что не соглашалась переехать после смерти мужа ни к сыну, ни к дочери. Она ценила самостоятельность и независимость, возможность смотреть телевизор до пяти утра и тишину в квартире в те часы, когда спала. И вообще Ольга Васильевна привыкла быть хозяйкой и самой себе, и своему обиталищу.

Она даже не любила, когда дети, навещая ее, открывали дверь своими ключами.

– Я дала вам ключи на тот случай, если со мной что-то случится, – сердито выговаривала она. – А пока еще я на своих ногах и сама могу открыть дверь гостям.

Аля с любовью смотрела на мать, такую подтянутую и ухоженную, с аккуратной прической и неизменными серьгами в ушах и кольцами, украшающими старческие, уже заметно искривленные пальцы. Просто невозможно поверить, что когда-то эта миниатюрная женщина весила без малого сто килограммов, постоянно боролась с одышкой и тахикардией, а на лице и ногах ее росли некрасивые черные волосы. Аля хорошо помнила те годы, когда мать лечилась всеми мыслимыми способами, и в России, и за границей, где служил отец, чтобы родить второго ребенка. Болезнь ее называлась сложно: синдром поликистозных яичников, возникший после родов. В конце пятидесятых эту болезнь лечили гормонами, вызывающими ожирение, оволосение и прочие малоприятные последствия. Алю Ольга Васильевна родила в сорок восьмом году, вскоре после войны, а когда Лозинцевы захотели второго ребенка, выяснилось, что мать больна. Лечение начали в Германии, где в то время работал Николай Михайлович Лозинцев и где гормоны стали применять раньше, чем в СССР, потом продолжили уже дома.

И все это длилось десять лет.

И все эти десять лет маленькая Аля безумно жалела мать. Она тоже хотела, чтобы был еще один ребеночек, но хотела исключительно потому, что об этом мечтали родители, а она их любила и искренне желала, чтобы их мечта исполнилась и они были счастливы. И еще она хотела, чтобы маме не нужно было больше лечиться, потому что все эти бесконечные уколы приносили только

одни страдания, мама стала толстой и некрасивой, у нее болели суставы, и она задыхалась от малейшего физического усилия.

Наконец Лозинцевы приняли решение прекратить попытки вылечиться.

Через два года мама стала почти такой же, как была до лечения, красивой, без всяких там дурацких волос на подбородке и верхней губе, без лишнего веса. Ну, может быть, не такой худенькой, как раньше, а чуть-чуть пухленькой, но это ее совсем не портило.

Теперь же, в преклонном возрасте, Ольга Васильевна немного словно бы усохла и вновь обрела юную стройность.

– Вот кассеты, Андрюша для тебя передал, – Аля протянула матери пакет. – «Лев зимой», обе версии.

– Чудесно! Я обожаю Кэтрин Хепберн, просто любопытно поглядеть, что они в наше время смогли сделать с этой историей. Неужели нашлась актриса, которая сыграет эту роль не хуже Кэтрин?

– Не знаю, мамуля, я не видела, но судя по картинке, актрису подобрали внешне похожую.

– Сегодня же посмотрю! Вот провожу тебя и посмотрю оба фильма. Что-то у тебя глаза тревожные, Эленька. Что-то случилось?

Ничего от матери не скроешь! Да Аля, собственно, и не пыталась.

Она же как раз и ехала к Ольге Васильевне с намерением поговорить о том, что ее тревожит.

– Сейчас, мамуля, я только Андрюше звякну, что я доехала, а то он, как всегда, напридумывал себе кошмаров.

– Я сама позвоню, иди вымой руки и садись за стол.

Ну конечно, мама собирается в одиннадцать вечера кормить ее ужином. Хотя ничего странного и страшного в этом не было, Элеонора о фигуре не беспокоилась, наоборот, любила вкусно покушать и позволяла себе абсолютно все без ограничений: ни на весе, ни на самочувствии это никак не сказывалось. Если судьба ее чем-то и обделила, то уж на природу Аля пожаловаться ну никак не могла.

– Ты знаешь, мам, о чем я подумала...

– О чем?

Нет, не так просто завести этот разговор, как ей представлялось.

Аля почему-то была уверена, что придет к матери и прямо с ходу все ей объяснит, а вот теперь оказалось, что и слов нужных не подобрать.

– Вы с папой всегда внушали нам, что жить надо по английской пословице, то есть так, чтобы не страшно было подарить своего попугая самой большой сплетнице города. Я понимаю, папа служил в разведке, и для него очень важно было, чтобы никто и ничем не мог вас шантажировать. Вы сами так жили и нас с Андрюшкой такими вырастили. А теперь вдруг я задумалась...

– Над чем, Эленька?

Да что ж такое, вот как до самого главного доходит, так словно язык немеет, не поворачивается, не может вслух произнести то, что с некоторых пор живет тихими мыслями в голове.

– Над тем, действительно ли это правильно для всех случаев жизни. Мам, ты только не обижайся, дай мне договорить. Когда вы взяли Андрюшу, вы ни от кого не скрывали, что он приемный. Он ведь был уже достаточно большой, чтобы помнить свою настоящую мать, ему три года было. Другое дело, что через месяц он бы ее забыл, но вы с папой всегда расставляли все по своим местам, и Андрюшка всю жизнь знал, что у него где-то есть родная мама и есть новая семья. Вы сумели вырастить его в убеждении, что это не плохо и не стыдно, и он тоже потом никогда не скрывал, что его вырастили приемные родители. Разглашением тайны усыновления вас шантажировать было невозможно. И когда Андрей вырос, он точно так же построил свою семью. Динке никогда не

внушали, что он ее родной отец, все знали и ни от кого не скрывали, что Вера родила ее от другого мужчины, с которым была близка до того, как познакомилась с Андрюшей. В этом смысле ни в нашей, ни в его семье никогда не было лжи, и я, скажу тебе честно, всегда этим гордилась.

– Мы с папой тоже, – негромко вставила Ольга Васильевна. – Но ты не поняла самого главного, Эленька. Про шантаж – это все правильно, папа при его профессии не мог допустить даже возможности подобных неприятностей. Но есть и другое. Мы вырастили вас с Андрюшей в убеждении, что одни люди любят других не за кровное родство, а за душевные качества или по другим каким-то причинам. Вернее, не так... Даже не знаю, как тебе объяснить... Конечно, если с человеком тебя связывает кровное родство, то ты чаще всего его любишь, но ведь это совсем не обязательно, верно?

– Верно.

– И в то же время ты куда сильнее можешь любить человека, с которым ты родством не связан. Другими словами, кровное родство – это не гарантия более сильной привязанности. И можно совершенно одинаково любить родных детей и приемных. А уж приемных-то родителей дети почти всегда любят больше, чем родных. У Андрюши не было комплекса недолюбленного приемыша, и он с любовью и нежностью относится и ко мне, и к тебе, и папу он очень любил. Вот, наверное, то главное, чем мы могли бы гордиться.

– Я понимаю, мама, – Аля налила себе и матери еще чаю, положила в свою чашку ломтик лимона, – но одно дело вы с папой, и совсем другое Андрей и Вера. Андрей удочерил Динку, но настоял на том, чтобы не было никаких тайн. А теперь что получилось? С тех пор, как Веры нет с нами, Дина чувствует себя страшно одинокой. Андрей – не родной отец, я – не родная тетка, ты – не родная бабка. Славик родной только наполовину, единоутробный, но он младше, и если что случится – он не может быть опорой и защитой в ее жизни. У нее не осталось никого из старших, на чью заботу и покровительство она могла бы безоговорочно рассчитывать. То есть рассчитывать она, безусловно, может, ведь мы все ее любим, но она-то, дурочка, этого не понимает, она считает, что раз нет кровного родства – значит, чужие. Вера и Андрюша не сумели внушить ей то, что сумели когда-то объяснить нам вы с папой. И вот я теперь думаю, что, может быть, было бы лучше, если бы она не знала правды. Может, было бы правильнее, если бы она считала Андрея родным отцом, а меня и тебя своими кровными родственниками. Тогда ей было бы намного легче.

– А ей трудно? – Ольга Васильевна внимательно посмотрела на дочь и слегка прищурилась. Она всегда щурила глаза, когда хотела максимально сосредоточиться и не упустить что-то важное.

– Очень трудно, – вздохнула Аля. – И мне кажется, что ее психика с этим не справляется. Она убедила себя в том, что мы все ей – никто, мы ее не любим, она никому из нас не нужна, и связи, которые между нами существуют, – это связи чисто условные, почти эфемерные, которые могут в любой момент порваться. И она останется совершенно одна на этом свете. Никому не нужная и никем не любимая. И она придумала... Нет, не то я говорю, вряд ли она могла придумать это сознательно, это слишком сложно для ее возраста. Скорее, интуитивно, на уровне подсознания... Короче, она решила, что должна взять верх над всеми нами, держать нас под контролем, забрать в жесткий кулак, подчинить своему влиянию, чтобы мы никуда не делись. То есть чтобы связи между нами не оборвались. Понимаешь?

– Понимаю, – кивнула мать. – Но это действительно сложная конструкция. Ты уверена, что все обстоит именно так? Помнишь, что папа говорил в таких случаях?

– Давайте начнем с фактов, – улыбнулась Элеонора. – Эти его слова у меня в ушах стоят, я как будто папин голос до сих пор слышу. Я даже помню, когда я впервые это услышала. В четвертом классе я решила, что классная руководительница ко мне несправедлива, и прибежала к папе с ревом жаловаться, когда она мне накатала очередное замечание в дневнике. А он мне сказал: давай начнем с фактов. Я твержу, что она ко мне придирается, а он требует факты. Я слезами захлебываюсь, все твержу, что она меня не любит, а он: давай факты. Я что-то пролепетала, припомнила какие-то истории, он их по полочкам разложил, и оказалось, что никто ко мне не придирается, я сама даю поводы для замечаний, а любить меня учительница не обязана. Мне потом так смешно было!

– Я тоже это помню. Так что с Диной? Приведи мне факты.

Аля рассказывала долго и подробно, и о том, как племянница считает возможным вмешиваться в ее личную жизнь и в личную жизнь Андрея, как ведет себя с братом. О жестком и беспардонном навязывании окружающим собственных оценок и мнений. О ее увлечении мистикой и спиритизмом или бог

еще знает чем, о ее ночных отлучках. За минувший год фактов набралось много.

– Если я правильно все это интерпретирую, то механизм примерно такой: для того, чтобы нами руководить и управлять, Динка должна доказать, что имеет на это право. Это первый шаг. Что может дать ей такое право? Ее отличие от нас, ведь равный равным управлять не может. Значит, она должна возвыситься над нами. За счет чего? Возраст? Не проходит. Жизненный опыт? Тоже не проходит. Деньги? Тем более. Тогда что? Личные качества. Какие? Необыкновенные способности, выдающиеся таланты? Не наблюдается. Остаются особые знания и то, что называют «посвященностью». Вот это может пройти, потому что никто в нашей семье этим никогда не занимался и в этом не разбирается. Отсюда берет начало увлечение всякими потусторонними вещами, ритуалами, обрядами, специальной литературой. Я не такая, как вы, я не такая, как все, я знаю и понимаю вещи, вам недоступные. Это второй шаг. Начиналось все сознательно, это даже не было увлечением, это было спектаклем, нацеленным на манипулирование семьей. А потом сознательное занятие превратилось в искреннее и глубокое увлечение. А потом затянуло. Это уже был третий этап. А сейчас, мне кажется, наступил четвертый. Динка просто свихнулась на всем этом. И кроме того, влипла в какое-то тайное общество, которое устраивает свои сборища по ночам. Мам, я не хочу в это верить, но мне иногда кажется, что она – сумасшедшая.

– Иногда? – переспросила Ольга Васильевна, ни разу до того не перебившая дочь. – Только иногда? А в остальное время?

– Да черт его знает! – в сердцах выдохнула Аля. – Вроде нормальная. Зануда, хамка беспардонная – это да, что есть – то есть, но нормальная. А бывает, что я ее просто боюсь. Мне даже страшно порой с ней наедине оставаться. Она в такие минуты похожа на зверя с обостренным чутьем. Помнишь, какое у ее матери было чутье на людей?

– Уж это да, – усмехнулась мать. – К каждому умела ключик подобрать, из любого могла веревки вить. Неужели Динка унаследовала?

– По-моему, у нее эта способность раз в десять сильнее, только у нее по молодости лет ума не хватает этим правильно пользоваться. Вместо того, чтобы нами командовать и нас запугивать, тоже могла бы веревки из нас вить.

– Странно, однако, – Ольга Васильевна потянулась к вазе с пирожными, и остро сверкнул, поймав луч света от лампы, бриллиант на ее руке – подарок Андрея на семидесятипятилетие, – почему за все это время я ни разу не почувствовала всего этого на себе? Конечно, Дина у меня бывает совсем редко, только когда вы собираетесь у меня по праздникам, но я ничего такого не заметила. Здесь, в этом доме, она ведет себя как обычно.

– Мамуля, ей не нужно тобой манипулировать, – сказала Аля и тут же осеклась.

Господи, ну что у нее за язык! Разве можно говорить такие вещи пожилым людям?

– Ну да, естественно, – Ольга Васильевна улыбнулась, как ни в чем не бывало, словно слова дочери ее вовсе не покорибили, – я ведь старая и в будущем ей не пригожусь, даже в самом ближайшем. В любой момент могу умереть. Да и что от меня толку? Денег у меня нет, и проблемы решать я уже не могу, возможности не те, в отличие от вас с Андрюшей. Складно у тебя получилось. Но только непонятно, правильно ли. И что ты намерена с этим делать?

– Я не знаю, – растерянно призналась Аля. – Я хотела с тобой посоветоваться. Надо ли говорить об этом Андрюше? Как ты считаешь?

– Обязательно, – строго произнесла мать. – Не будем отступать от наших семейных принципов. Никаких тайн. Все должно быть открыто. Жизнь и без того достаточно сложна, не нужно разводить питательную среду для лишних проблем. Что еще?

– Еще я подумала, что, может быть, надо показать Дину психиатру? Или психологу?

– Может быть, – задумчиво протянула Ольга Васильевна. – Только надо тщательно продумать, как это сделать, чтобы ее не напугать.

– Вот именно, – подхватила Аля. – Если она что-то заподозрит, то подумает, что мы пытаемся запереть ее в психушку, и, значит, все ее опасения верны: мы ее не любим, она нам чужая. И один бог знает, к чему такие мысли могут привести. Мам, а может, она все-таки не сумасшедшая, а просто очень хорошая актриса? Конечно, она меня напугала до жути, я не знаю, можно ли так сыграть, но вдруг

можно?

– Послушай, – оживилась мать, – а что, если она и вправду талантливая актриса, а? Можно как бы невзначай показать ее знающим специалистам, такую встречу легко можно устроить, даже здесь, у меня. Один институт она бросила, ей там неинтересно, но если кто-то признает, что у нее есть талант или хотя бы способности, даст какие-то советы, подготовит к поступлению в театральный или во ВГИК, тогда Динка выбросит всю мистическую дурь из головы. Она ей не будет больше нужна, ведь в нашем менталитете актриса – существо и без всякой мистики выдающееся, необыкновенное. Тогда и патологии поведения не будет.

Аля тоже воодушевилась было предложением матери, но тут же сникла.

– Мамуль, ну какая из Динки актриса? Даже если у нее есть талант, то для домашнего, бытового употребления, для манипулирования семьей он годится, а для сцены и тем более для экрана – нет. У нее чудовищная внешность. И лицо некрасивое, и вся она какая-то корявая, нескладная, непропорциональная, негармоничная. Знаешь, я даже думаю, что возвышение над окружающими при помощи мистики решает для нее еще одну задачу: вы, мальчики, не обращаете на меня внимания, я вам неинтересна, так знайте, что мне неинтересны вы сами, потому что я живу в другом измерении, в другом мире, в котором другие интересы и другие законы. Как, мам, правдоподобно?

– Ты знаешь, Эленька, это куда более правдоподобно, чем твоя версия с манипулированием семьей. Может быть, эта вторая версия вообще единственно правильная. Может быть, ты все напридумывала про Динкино одиночество, а?

– Да нет, не напридумывала. Я много раз слышала от нее слова о том, что она теперь никому не нужна и у нее нет никаких настоящих родственников. Вериных родителей она в расчет не берет, как Вера порвала с ними много лет назад, так они как будто для всех умерли, в том числе и для Динки.

– Может быть, имеет смысл как-то связать девочку с родными со стороны матери? Пока Вера была с нами, никто из нас не лез в эту историю, в конце концов, это ее дело и ее решение. Но теперь, когда ее нет, возможно, отношения наладятся. А, Эленька, как ты думаешь? И у Дины появятся настоящие кровные бабушка, дедушка... и кто там еще? Не помнишь?

– Вера предпочитала не говорить о своей семье, но, кажется, у нее там были брат и сестра, каждый со своими семьями.

– Вот видишь! – торжествующе воскликнула Ольга Васильевна. – Ты сможешь их разыскать? Надо найти их, поговорить с ними, потом с Диночкой, и я уверена, это будет хорошим решением проблемы.

Ах, если бы все было так просто! Аля была благодарна матери за советы и вообще за ее готовность вникать в проблему и обсуждать ее, но отчего-то казалось, что никакие специалисты по актерскому мастерству и вновь обретенные родственники делу не помогут. Чем больше Элеонора говорила о своей племяннице, тем сильнее крепло в ней убеждение в том, что девушка психически больна. А уж о том, что жить под одной крышей с психически больным не только страшно, но и опасно, Аля знала не понаслышке. Много лет назад, когда она была во втором браке, к ним приехали родственники мужа, супруги, привезшие в Москву психически больного сына для консультаций с медицинскими светилами. За тот месяц, что они прожили в одной квартире, Аля прощалась с жизнью не меньше десяти раз и примерно столько же раз с ужасом думала, что потеряет мужа. Юноша оказался буйным, причем в буйство впадал с непредсказуемой периодичностью, а в периоды просветления был тихим и даже вменяемым.

Боже мой, а вдруг Дина тоже в один прекрасный день схватится за нож или за что-нибудь тяжелое? Или все это глупости, и ничего этого нет, никакого сумасшествия, никакого безумия, никакой патологии? Просто ей, Але, кажется черт знает что, потому что очень уж ей не нравятся Динкины страшные глаза, когда та утверждает, что ее тетка пришла домой с черными мыслями и тяжелыми чувствами? Может, у девушки все в порядке, а вот у самой Элеоноры Николаевны рыльце в пушку?

И снова в груди забился маленький прохладный металлический шарик, грозя в считанные минуты разрастись в ледяную чугунную гирю, с треском разламывающую ребра.

– Что ты, Эленька?

Мать уже убирала со стола и внезапно остановилась прямо напротив дочери, пристально глядя на нее прищуренными глазами. Господи, неужели так

заметно?

– Ничего, мам, все в порядке. За Динку переживаю.

– Надо не переживать попусту, а делать что-нибудь. Поговори с Андрюшей, все-таки это его дочь, хоть и не родная, но он ее вырастил. И обсудите то, что я предлагаю. Примите решение. Делайте что-нибудь, а не сидите сиднем, – строго произнесла Ольга Васильевна.

Да, мама вся в этом. За всю жизнь Элеонора ни разу не видела мать впавшей в депрессию или опустившей руки, разнужившейся и погруженной в страдания. Она всегда что-то делала. Она всегда шла вперед. Аля вспомнила, как через полгода после смерти отца, восемь лет назад, Ольга Васильевна как-то в разговоре сказала:

– Ты не представляешь, какая я счастливая!

Алю это поразило и даже возмутило, и то был один из немногих случаев, когда она посмела упрекнуть мать:

– Как ты можешь так говорить, ведь папа умер совсем недавно! Как ты можешь быть счастливой! Ведь ты его так любила.

Ольга Васильевна улыбнулась легко и светло.

– Из двоих супругов почти всегда один уходит раньше, другой позже. Если бы первой ушла я, ты представляешь, что было бы с папой? Он бы с ума сошел от горя, он не смог бы жить один, страдал бы, горевал, опустился бы. Разве это хорошо? Мужчины хуже справляются с горем, мы, женщины, более крепкие в этом смысле. И я счастлива, что папе не пришлось пережить то, что переживаю сейчас я. Потому что я справлюсь. А он не справился бы.

Домой Аля ехала в третьем часу ночи. Она не смотрела через автомобильное стекло на ночной город, который так любила. Она думала о том, как бы ей научиться быть такой, как мать. Уметь видеть счастье даже в беде. Но какое счастье можно найти в том, что происходит с Диной? И какое счастье в том, что происходит с ней самой?

Глава 3

Как и у всех, ну, почти у всех девушек ее возраста, у Лили Стасовой была своя тайна. Девичьи тайны бывают маленькими, большими или страшными. Лилина тайна была вовсе и не страшной, а маленькой и даже немножко смешной, но она все равно была и выступала в роли далеко не последнего аргумента в момент напряженных раздумий на тему: быть ли напуганной убийством студентки с соседнего потока и сидеть дома или все-таки ходить в институт на занятия.

У тайны не было имени, но было условное название «Этот в костюме». Лиля была девушкой наблюдательной и давно уже заметила, что мужчины в хорошо сшитых и ладно сидящих костюмах встречаются в метро крайне редко, даже можно сказать, что и не встречаются вовсе. Они ездят на машинах. А те, которые в метро и троллейбусе, те все больше в джемперах и куртках, а если в костюмах, то в каких-то не таких. Этот же, ставший ее маленькой тайной, был не просто в костюме, а еще и в роскошном кашемировом пальто, расстегнутом и позволяющем обозреть не только шелковый шарф от Кензо, но и ослепительную сорочку, и галстук от Версаче, и жилет. Конечно, о том, как сидит на его фигуре костюм-тройка, можно было только догадываться, но судя по идеально отглаженным брюкам, сверкающим ботинкам и безупречной стрижке, на таком мужчине костюм не мог сидеть плохо просто по определению.

Тайна появилась у Лили примерно неделю назад, когда она, ожидая поезда, впервые заметила мужчину в кашемировом пальто на платформе метро. Наверное, она не смогла скрыть свой заинтересованный взгляд, и мужчина его перехватил, потому что слегка улыбнулся. Ей стало неловко, она прошла дальше вдоль платформы и отвернулась, ругая себя за несдержанность. Лиле казалось, что она отошла от мужчины достаточно далеко, поэтому девушка страшно удивилась, когда села в поезд и через несколько секунд увидела его в том же вагоне. Он стоял неподалеку и читал какие-то бумаги.

На «Чистых Прудах» ей нужно было делать пересадку. Лиля стала протискиваться к выходу, и кто знает, сознательно или нет, но выбрала она именно ту дверь, путь к которой лежал мимо того мужчины. Когда она поравнялась с ним, он не оторвал глаз от своих бумаг, однако же в тот момент, когда двери открылись и пассажиры стали вываливаться из вагона, она быстро

обернулась и поймала его взгляд и ту же едва заметную улыбку. Он все-таки посмотрел на нее. Или ей вслед?

Лилию охватило смущение, которое, впрочем, прошло уже минут через пять, а еще через пятнадцать она и думать забыла о красивом пассажире в дорогом пальто. А на следующее утро снова увидела его на платформе в метро. Она замедлила шаг и постаралась рассмотреть незнакомца как можно подробнее. Вот тогда и отметила она и отутюженные брюки, и сверкающие ботинки, и стрижку, и лицо, которое ей ужасно понравилось, и даже цвет глаз. Самый, надо сказать, обыкновенный цвет, серо-голубой, ничего выдающегося. Лилия снова прошла мимо него. А он снова улыбнулся ей и легонько кивнул, словно приветствовал старую знакомую. Девушка решила не выпендриваться и улыбнулась в ответ. И снова они ехали в одном вагоне, и он читал свои бумаги, а Лилия – конспект по истории, и снова она обернулась при выходе на платформу, и снова поймала его улыбку и взгляд. Она приподняла руку и сделала едва заметное движение пальцами, мол, пока, до завтра. А он еще раз улыбнулся и кивнул.

Назавтра все повторилось. Они по-прежнему не разговаривали друг с другом, мужчина не делал ни малейшей попытки познакомиться с ней, но улыбался и кивал, а Лилия в ответ тоже улыбалась и махала пальчиками. И было в этом что-то невероятно волнующее и пронзительное, такое, от чего дух захватывало куда больше, чем от поцелуев с однокурсником, в которого Лилия влюбилась перед самым Новым годом, а через месяц остыла.

А потом случились выходные. Мужчина в пальто и костюме не выходил у Лили из головы, и больше всего на свете на протяжении двух суток ее интересовал вопрос, появится он в понедельник в метро или нет? Она была девушкой рассудительной и понимала, что такой мужчина не может ездить в метро всегда. Скорее всего, у него машина в ремонте, или водитель внезапно заболел, или ему по каким-то причинам нужно успеть доехать, минуя утренние пробки, а всем известно, что на метро получается куда быстрее. Или еще какие-то обстоятельства сложились таким образом, что он не ездит на машине. Но это временно, и весь вопрос в том, насколько долгим окажется этот «временный» период. Иными словами, сколько еще раз сможет Лилия пережить эти необыкновенные мгновения, позволяющие ей почувствовать себя героиней романтического кино и дающие почву для стыдливых, робких, а порой и отчаянно смелых мечтаний. Ну так, совсем чуть-чуть, пять минуточек перед сном. Она же взрослая рассудительная девушка, к тому же правильно

воспитанная мамой и папой, и прекрасно понимает, что между ней, юной студенткой, и этим дорогим и очень деловым мужчиной, к тому же порядочно старше ее, не может быть ничего общего. Сколько ему лет? Наверное, тридцать пять или около того. И конечно же, есть жена и дети. Просто невозможно представить, чтобы у такого мужчины не было жены или хотя бы постоянной женщины. Он весь воплощенная серьезность и добропорядочность. Успешный бизнесмен и отличный семьянин. И своей случайной молоденькой попутчице он улыбается исключительно из вежливости, как это принято, например, в Европе: улыбаются всем подряд, а уж тем, кого однажды видел, – обязательно.

Самые худшие ожидания оправдались, в понедельник его не было. Лиля пропустила один поезд, потом второй, третий, надеясь, что он все-таки появится. Но он не появился, зато она опоздала на первую пару и получила нагоняй от куратора курса. Как назло, именно в тот день злыдня-кураторша стояла у дверей в лекционный зал и отлавливала опоздавших. Однако долго расстраиваться девушке не пришлось: в понедельник весь институт только и говорил об убийстве студентки с первого потока, Наташи Кузиной. И точно так же, как совсем недавно Лилин отец, все вспоминали громкое барнаульское дело и пересказывали друг другу, кто что помнил из газетных публикаций, додумывая на ходу и расцвечивая собственные воспоминания жуткими подробностями. В институт приехала милиция, кого-то то и дело вызывали с занятий, вероятно, искали тех, с кем так или иначе общалась погибшая девушка. О мужчине в пальто, или, как Лилия называла его про себя, об «этом в костюме», она на некоторое время позабыла, пытаясь решить, стоит ли рассказывать милиционерам об инциденте в кафе. С одной стороны, очень похоже, что тот псих и был убийцей, во всяком случае, вид у него был какой-то патологический. Но с другой стороны, никто ее не вызывает и не спрашивает... Может быть, оперативники уже и так знают достаточно, а она со своими добровольными показаниями вызовет у них только смех. И потом, кто-то из милиционеров может оказаться папиным знакомым, и тогда папа уже через пять минут будет знать о ее приключении и запретит ходить в институт и вообще выходить из дому. А как же «этот в костюме»? Может быть, тот факт, что его сегодня не было в метро, еще ни о чем не говорит, и завтра или через несколько дней он снова появится? А Лили не будет... И тогда он решит, что она больше не ездит в это время по этой ветке и он потерял ее навсегда. Может быть, он действительно всего один раз был вынужден поехать на метро, но, увидев девушку, стал ездить каждый день, чтобы встретиться с ней... Глупо, конечно, но чего в жизни не бывает. И если она долго не будет появляться, он тоже перестанет ездить. Фу, как в дешевом сериале! Лилиа изо всех сил уговаривала себя не впадать в сопливый романтизм, опомниться и перестать мечтать о несбыточном. Так только в плохом

кино бывает, чтобы красавец-миллионер случайно оказался в гуще простого народа и вдруг нашел среди толпы свою избранницу и начал предпринимать шаги, чтобы познакомиться с ней. В жизни так не бывает, это во-первых. И во-вторых, даже если и бывает, то уж она никак не тянет на долгожданную избранницу такого мужчины. И лицо не так чтобы очень, и фигурой не вышла. Во всяком случае, именно это ей всю жизнь внушала мама. Но те секунды безмолвного общения, обмена взглядами и улыбками были так томительно сладки, что отказаться от них невозможно...

За этими раздумьями день пролетел незаметно. На следующее утро, во вторник, шестого апреля, Лиля взяла себя в руки и, спускаясь по лестнице в метро на станции «Сокольники», твердо сказала себе, что, если «этого в костюме» снова не окажется на платформе, она не станет ждать ни одной минуты, не пропустит ни одного поезда, а поедет в институт. Не нужны ей ни опоздания, ни разборки с куратором курса. И «этот в костюме» ей тоже не нужен. Надо выбросить его из головы и забыть.

Сказано – сделано. Незнакомца на платформе, конечно же, не оказалось, и Лиля мужественно села в первый же поезд. И в тот момент, когда двери закрылись и вагон качнулся, собираясь набрать скорость и нырнуть в тоннель, она увидела, как «этот в костюме» быстро спускается по лестнице. Сердечко Лилино замерло, потом подпрыгнуло куда-то в горло, потом упало вниз, а щеки запылали. Значит, он не исчез, он по-прежнему ездит в метро! Ну почему, почему она такая дура, почему дала себе это идиотское слово не пропускать поезд?! И не просто дала, но еще и выполнила.

На всякий случай Лиля вышла на «Красносельской» с намерением сесть в следующий поезд, в котором наверняка будет ехать «этот в костюме». Народу, конечно, много, утреннее время, и вряд ли ей удастся увидеть, в каком он вагоне, но можно рассчитывать на то, что он сядет, как и в предыдущие дни, в четвертый вагон. Поезд подошел, Лиля вошла в вагон, но его не увидела. То ли он стоял так, что его заслонял кто-то из пассажиров, то ли сел в другой вагон. Девушку охватило отчаяние.

Следующая станция – «Комсомольская», три вокзала и пересадка на Кольцевую линию, много народу выйдет, но еще больше войдет, и тогда отыскать незнакомца не останется никаких шансов. После «Комсомольской» вагоны будут забиты битком. Одно дело точно знать, где стоит интересующий тебя человек, и совсем другое – искать его в час пик по всему составу. Затея бесперспективная и

бессмысленная.

«А вдруг он вообще не едет в этом поезде? – мелькнула мысль. – Может, он, так же, как я вчера, стоит на платформе на «Сокольниках» и ждет меня?»

Но подобные глупости Лиля тут же в головке своей пресекла. Да, он мне нравится, с присущим ей хладнокровием констатировала девушка, но это совершенно не означает, что я нравлюсь ему и что он вообще обо мне помнит. Завтра она поступит умнее. Завтра у нее первая пара – семинар по немецкому, она сегодня подойдет на кафедру иностранных языков, разыщет преподавателя и договорится с ним. Либо он разрешит ей опоздать, либо вообще согласится, чтобы Лиля сдала тему в другое время, может быть, даже сегодня, она готова, язык она знает хорошо. В любом случае, она сегодня сделает все необходимое, чтобы завтра прийти чуть раньше и иметь возможность стоять на платформе до тех пор, пока не появится «этот в костюме».

Вот такая маленькая смешная тайна была у Лили Стасовой, и тайна эта никак не позволяла ей отсиживаться дома, пока милиционеры будут искать маньяка, убивающего студенток. Однако же Лиля была не только дочерью сотрудника милиции, пусть и бывшего, но и постоянно общалась с женой отца и их друзьями, которые почти сплошь были следователями или оперативниками, поэтому отдавала себе отчет в том, что ее недавняя история с неприятным типом в кафе может иметь отношение к чему-то более серьезному. Ведь случилась она всего за несколько часов до того, как была убита Наташа Кузина с первого потока, и в том же районе, и главное – тоже оказалась привязанной к ночному клубу. Конечно, связи никакой может и не быть, и тот псих хотел повести ее в какой-то другой клуб, и вовсе он не собирался никого убивать, он обыкновенный наркоман, который всего-навсего вознамерился «раскрутить на бабки» девицу, имеющую денежки. Может быть, и так. Но ведь может быть и не так. И нужно, наверное, все-таки рассказать об этом эпизоде следователю. Или не рассказывать? И как сделать так, чтобы папа не узнал и не запер ее дома? Тетя Настя Каменская сказала, что есть психи, которые убирают свидетелей. А тот тип из кафе видел, что она читает учебник, и вполне может догадаться, что Лиля учится где-то неподалеку. А неподалеку от кафе только один институт – ее. Она сама-то не боится, но папе ведь не объяснишь, прикажет сидеть дома, еще и охрану приставит, Лиля даже пикнуть не посмеет, ее воспитали в безусловном послушании родителям.

Уже заканчивалась третья пара – семинар по экономике, когда дверь аудитории распахнулась и вошла ненавистная кураторша в сопровождении двух мужчин. Лиля чуть не подпрыгнула: один из них был симпатичным стройным блондином в модной куртке, а другой – дядей Юрой Коротковым, папиным другом. Совсем недавно, пару месяцев назад, Лилия вместе с отцом и тетей Таней была на его свадьбе. Дядя Юра женился на Ирине Савенич, известной актрисе, про которую мама сказала, что это «девочка с большим потенциалом». И это мама, которая известна всему свету как самый язвительный кинокритик и от которой доброго слова не допросишься, во всяком случае, мало кому из актеров и режиссеров удавалось услышать из ее уст похвалу в свой адрес. Правда, мама тут же добавила, что Ирина совершает большую глупость, выходя замуж за милиционера, и собственная мамина жизнь, испорченная Лилиным отцом-оперативником, – яркий тому пример.

– Никто не расходится после звонка, – металлическим голосом начала вещать кураторша, – с вами хотят побеседовать сотрудники милиции по поводу убийства Кузиной. Все остаются на местах и отвечают на вопросы столько, сколько нужно.

Никто не возражал. Все-таки в аудитории сидели будущие юристы, они понимали, что дело серьезное. Старичок-доцент, проводивший семинарское занятие, засуетился, начал торопливо складывать в портфель свои бумажки и посеменил к двери. До звонка оставалось две минуты.

– Не буду вам мешать, – пробормотал он, обращаясь не то к кураторше, не то к милиционерам, – мы практически закончили.

Когда дверь за ним закрылась, Коротков выступил чуть вперед.

– Господа студенты! – начал он, откашлявшись. – Позвольте представиться. Меня зовут Юрием Викторовичем, фамилия моя Коротков, я работаю на Петровке в отделе по раскрытию убийств. Рядом со мной мой коллега Максим Иванович Заточный, он – старший оперуполномоченный из окружного управления внутренних дел. Все вы знаете о трагическом происшествии с вашей однокурсницей Наташей Кузиной. Она училась на другом потоке, и мы уже подробно поговорили со всеми, с кем она посещала лекции и семинары. Теперь нам нужно побеседовать с вами. Мы понимаем, что вы общались с ней меньше, может быть, многие из вас вообще не знали ее и даже не представляют, как она выглядит. Но тех, кто ее хоть немного знал, или видел в день убийства, или

просто хотел бы что-то нам сообщить, я попрошу задержаться и ответить на наши вопросы. Есть среди вас такие?

Поднялось шесть или семь рук. Лиля тоже, поколебавшись, подняла руку. Наташу Кузину она не знала, но решила поговорить с Коротковым.

Впрочем, поговорить с симпатичным блондином по имени Максим Иванович она бы тоже не возражала. От отца и его друзей она частенько прежде слышала имя Ивана Алексеевича Заточного, и как-то в их разговоре мелькнула фраза о том, что его сын тоже работает в милиции. Скорее всего, этот блондин – его сын. Как бы угадать, с кем легче договориться, с дядей Юрой или с молодым Заточным?

Коротков медленно обвел глазами тех студентов, которые сидели с поднятыми руками, заметил Лилю, она поняла это по его чуть дрогнувшему лицу, но ничего не сказал.

– Спасибо. Все остальные могут быть свободны. Пока, – добавил он загадочное слово.

Полтора десятка студентов с шумом схватили портфели и сумки и покинули аудиторию. Семь человек остались.

– Ну что ж, – вздохнул Коротков, – начнем, помолясь. Работать будем так: я займу стол преподавателя, поставим сюда стульчик, один из вас сядет рядом со мной, и мы тихонько поговорим. Максим Иванович займет самый дальний стол, второй человек сядет к нему. Повторяю, разговариваем тихо и друг другу не мешаем. Остальные пятеро пока ждут и потом подходят к нам по очереди. Это может занять много времени, поэтому заранее приношу извинения. Пожалуйста, прошу вас, первые двое. Один человек ко мне, второй – к Максиму Ивановичу.

Лилия хотела было рвануть к симпатяге Заточному, потому что решила, что, во-первых, с молодым парнем договориться легче, он наверняка еще не забыл собственных проблем с родителями, а во-вторых, он слишком молод для того, чтобы папа знал его лично, поэтому опасность утечки информации к строгому родителю все-таки поменьше. Она уже встала и сделала шаг из-за стола, но ее опередила Светка Мигунова, обожавшая худощавых блондинов. Лилия решила подождать, но выглядела она как-то глупо, ведь встала уже, так что ж теперь, снова садиться? Она поймала приглашающий взгляд Короткова и нехотя

двинулась в его сторону.

– Здравствуйте, дядя Юра.

– Привет, – улыбнулся он. – Я вообще-то знал, что ты здесь учишься, но не ожидал, что попаду именно в твою группу. Сейчас во всех группах работают наши сотрудники. Надо же, как мне повезло! Как дела-то у тебя?

– Все хорошо, дядя Юра. А у вас?

– Да спасибо, не жалуюсь. Ну, Елизавета Владиславовна, выкладывай, что знаешь.

– Дядя Юра, – она набрала в грудь побольше воздуха, – я могу вступить с вами в преступный сговор?

– Это в какой же?

– Я вам расскажу одну историю, которая может иметь отношение к делу, а может и не иметь. А вы за это не скажете папе.

– О чем не скажу? – не понял Коротков.

– Ни о чем. Ни о чем не скажете. Не скажете, что я к вам подходила. Что рассказывала эту историю. Вообще ничего. Можно так сделать?

– Слушай, – шепотом возмутился Коротков, – да ты никак торгуешься со мной?

Лиля округлила глаза и сделала невинное лицо.

– Да вы что, дядя Юра! Как можно? Я предлагаю товар. Вы или берете его, или нет. Если нет, я найду другого покупателя.

Коротков прищурился и посмотрел на нее с нескрываемым подозрением.

– Что-то больно знакомые слова ты произносишь. Где-то я их уже слышал.

– Ага, – подтвердила Лиля, – от тети Насти Каменской. Она часто так говорит. Я у нее научилась.

– Ты бы у тети Насти-то чему-нибудь хорошему поучилась, а не этой вот... торговле, с позволения сказать, – строго прошипел он. – У тети Насти твоей масса достоинств, ты вот с них бы пример брала, а не с ее языка поганого. Мала еще со мной торговаться. Давай выкладывай.

– Нет, – твердо ответила она. – Пока не дадите слово, что папе не скажете, ничего выкладывать не буду.

– А куда ты денешься? – с любопытством спросил Коротков. – Я ведь теперь знаю, что у тебя есть для меня какие-то сведения, так куда ты от меня денешься?

– А я к Максиму Ивановичу пойду, – Лиля улыбнулась. – И с ним договорюсь.

– Ерунда. Он мне все расскажет.

– Не-а. Я так договорюсь, что он вам не расскажет.

– Лилька, запомни, ни одно честное слово, данное свидетелю, не перевешивает интересов дела. Особенно если это дело – поимка убийцы. Что бы ты ни наплела Заточному, как только мы выйдем из этой аудитории, я буду знать, что ты ему сказала. Поэтому не лсти себя глупыми надеждами. А если хочешь, чтобы я отнесся к твоей просьбе с пониманием, лучше объясни мне по-человечески, почему я не должен ничего говорить твоему отцу.

Лиля с горечью поняла, что все ее расчеты провалились. Ей-то казалось, что она сможет договориться, но то, что сказал дядя Юра, звучало так... взросло, что ли. Серьезно. «Ни одно честное слово, данное свидетелю, не перевешивает интересов дела». Ей это даже в голову не приходило. Почему-то представлялось, что все гораздо проще.

– Дядя Юра, вы же знаете папу. Он может запретить мне ходить в институт, пока преступника не поймают. А у меня личная жизнь. Понимаете?

– Понимаю, – очень серьезно кивнул Коротков. – И кто он? Сокурсник? Или на стороне нашла?

– Сокурсник, – соврала Лиля, не моргнув глазом, вовремя сообразив, что для встреч с сокурсником нужно посещать институт.

Она подробно поведала свою эпопею с настырным типом в кафе и поделилась своими соображениями и подозрениями. Коротков ничего не записывал, зато включил диктофон.

– Внешность запомнила? Сможешь описать?

– Запросто.

– Адрес кафе еще раз скажи, четко и чуть погромче. И перечисли приметы того парня как можно подробнее.

Лиля послушно повторила адрес и описала приставаалу. Его лицо до сих пор стояло у нее перед глазами.

– Дядя Юра, – умоляюще произнесла она, когда диктофон выключили, – вы понимаете, что папа сделает, если узнает про эту историю? Он меня из дома не выпустит, я же могу быть свидетелем. А вдруг этот тип начнет меня искать?

– Так и в самом деле, а вдруг начнет? Лилька, я все понимаю насчет личной жизни, она у меня самого всегда была бурной, и я с уважением отношусь к чужим романам. Но к чужой безопасности я отношусь с еще большим уважением. Я, конечно, не трепло базарное, и отцу я ничего не скажу, раз уж ты так просишь. Но я бы тоже советовал тебе затаиться и рядом с институтом не мелькать. Любовь любовью, но жизнь – она, знаешь ли, как-то дороже.

– Дядя Юра, – пролепетала она, чувствуя, что сейчас расплчется.

Ничего не помогло, он все-таки расскажет папе и посоветует ему запереть дочь дома.

– Ну что «дядя Юра, дядя Юра»? Давай думать, как выходить из положения. То, что ты рассказала, может оказаться очень важным. И нужно позаботиться о твоей безопасности.

– Дядя Юра, я вам даю честное слово, что никуда от института дальше чем на десять метров не отойду. Из дома – сюда, отсюда – домой. Никаких кафе, никаких забегаловок. Я буду после занятий вызывать такси прямо к институту, и он не сможет меня выследить, даже если очень захочет.

– Такси – это хорошо. Но это не решение проблемы. А вдруг у него есть машина? Или он будет караулить тебя у выхода? Он ведь тоже может взять такси и сидеть в нем, пока ты не выйдешь. Поэтому было бы неплохо, если бы тебя твой парень провожал до самого дома. Прямо до квартиры. Ты сможешь с ним договориться?

– Смогу, – пообещала она, стараясь говорить как можно правдивее.

– И никаких случайных знакомств на улице, ты меня поняла?

– Конечно, дядя Юра. Я вообще на улице не знакомлюсь, вы же моего папу знаете, он меня с детства дрессировал.

– И никаких разговоров об этой истории. Ты, кстати, рассказывала кому-нибудь?

– Нет. Это же в пятницу вечером было, а в понедельник все узнали про Кузину, только про нее и говорили.

– Вот и ладно, вот и не рассказывай никому. И парню своему не говори. Даешь слово?

– Даю. А как же я ему объясню, почему меня надо провожать до самой квартиры? – Лиля решила играть до конца, хотя никакого парня на курсе у нее не было и объяснять она никому ничего не собиралась. Но хотелось быть достоверной.

– Да никак не объясняй. Просто скажи, что ты боишься, вот и все. У страха нет объяснений, он иррационален. Если по городу разгуливает маньяк, убивающий

студенток, то нет ничего странного, если студентки боятся.

Из института Лиля ушла в тот день вполне успокоенной. Конечно, взрослым верить не особенно-то можно, особенно если это друзья родителей, девушка знала это по опыту. Обязательно «сдадут» при первом же удобном случае, ведь слово, данное ребенку, совершенно ничего не весит, а уж если сравнивать его с весомостью взрослой дружбы, то и вовсе говорить не о чем. Но, во-первых, дядя Юра, если и сдаст Лилю отцу, то сделает это, скорее всего, не сразу, и у нее есть в запасе хотя бы несколько дней, чтобы... Ну, короче, все понятно, зачем ей нужны эти несколько дней. И во-вторых, даже когда папа обо всем узнает, она сможет сослаться на Короткова, мол, он все знал и дал ей подробные инструкции, как себя вести, а в том, чтобы она сидела дома, никакой необходимости не видел. Вот так. Вы, родители с друзьями, считаете Лилю маленькой и глупенькой, ну и считайте себе на здоровье. А она все равно найдет способ сделать то, что ей хочется, не вступая в открытые конфликты и не отстаивая свои права с дурацкой демонстративностью.

Игра стоила свеч. В этом Лиля убедилась на следующий день, когда утром спустилась в метро. Незнакомец в распахнутом кашемировом пальто стоял на своем обычном месте. И ей даже показалось, что он смотрел на лестницу. Неужели ждал ее?

* * *

Запирая дверь и спускаясь по лестнице, Вера привычно порадовалась удаче, благодаря которой ей удалось купить эту квартиру. Если бы ее продавали предусмотрительные и расчетливые немцы, она стоила бы, пожалуй, раза в полтора дороже, а то и в два. Но продавали ее русские, у которых что-то не заладилось с бизнесом и срочно понадобились деньги, поэтому двухкомнатную квартирку в самом центре Баден-Бадена они выставили на продажу по просто-таки смехотворной цене. И опять же повезло, что Вера узнала об этом первой, от общих знакомых, быстренько подсуежилась и стала владелицей недвижимости, позволившей ей получить вид на жительство в Германии.

Выйдя на Леопольдплатц, Вера заглянула в газетный киоск, купила пару русскоязычных газет и направилась по Софиенштрассе в сторону бассейна, имевшего пышное название «Термы Каракаллы». Любителям плавания делать там было нечего, но Вера плавать и не любила, зато ей нравились термальные

целебные воды, множество гидромассажных установок, бани и прочие водяные удовольствия. В бассейн она ходила три раза в неделю и непременно утром, прямо к открытию, пока народу совсем мало и есть свободные места на всех массажных устройствах.

На ресепшене она купила билет на пять часов пребывания, хотя сначала собиралась побыть здесь всего три часа. Но когда она проснулась, за окном светило солнце, и Вера рассчитывала после бассейна погулять в свое удовольствие, подняться в гору, дойти до Розового сада, однако в восемь утра, когда она подходила к Термам, небо уже затянуло сизыми облаками, и стало понятно, что еще чуть-чуть – и пойдет дождь. Так что ну ее, прогулку эту, лучше в воде поплескаться да ароматным паром в банях подышать.

Девушка на ресепшене приветливо улыбнулась, постоянных посетителей здесь знали в лицо, и Вера улыбнулась ей в ответ. Настроение было превосходным. Она почти бегом поднялась по широкой лестнице, прошла через турникет, не забыв посмотреть на высветившееся на мониторе время, когда она должна покинуть бассейн: 13.08, ни минутой позже, иначе этот же самый турникет не выпустит ее обратно, пока она не заплатит дежурному за еще один час пребывания. Вера быстро разделась, натянула купальник и направилась в душ, а через десять минут она уже наслаждалась массажем в открытой части бассейна, лежа в теплой воде и подставив плечи и шею под мощную струю, бьющую из выложенной диким камнем стены. На лицо упали первые прохладные капли дождя, и она вдохнула полной грудью. Вот это она и любила больше всего: очень теплая вода, поднимающийся над ней пар, холодный воздух, которым так сладко дышать, и дождь.

Через два с лишним часа, пройдя все виды гидромассажа по несколько раз, Вера взяла с лежака свое полотенце и поднялась по лестнице в бани. Сняла мокрый купальник, аккуратно сложила на полочку специального стеклянного стеллажа, обмоталась полотенцем и не спеша отправилась в витаминный бар. Взяла стакан травяного чая и собралась было сесть на шезлонг у окошка, когда чья-то рука осторожно прикоснулась к ее плечу.

– Ты меня избегаешь, или мне показалось?

На мгновение Вера испытала некое сложное чувство, состоящее в равных долях из неудовольствия, удовлетворения и испуга. Не выдержал все-таки, примчался! Задержался. Просто так? Или что-то заподозрил?

Или увидел то, чего не должен был видеть?

Но мгновение – оно и есть мгновение, и длится оно не час и даже не минуту, а куда меньше. И когда она обернулась к стоящему за спиной мужчине, впечатление было такое, что обернулась она сразу и никакого такого мгновения и не было.

– Валера! Ты меня напугал. Зачем ты приехал? Мы же не договаривались.

– Поэтому и приехал. Ты давно не звонила. Я соскучился.

Он наклонил голову с явным намерением поцеловать Веру, она послушно подставила губы и даже изобразила движение навстречу ему, словно хотела прижаться к его груди. Но не прижалась. Сразу после поцелуя поднесла стакан к губам и начала небольшими глоточками пить чай.

– Давай присядем за столик, – предложила она. – Ну, как ты, милый? Как у тебя дела?

– Это я должен спросить, как у тебя дела, – мягко возразил Валерий. – От тебя что-то ничего не слышно. Неужели до сих пор не нашла?

– Мне что-то не везет, – со вздохом пожаловалась Вера. – Наверное, полоса везенья закончилась.

В общем-то она была на сто процентов уверена в своих актерских способностях и в умении обмануть кого угодно и по любому поводу, но на всякий случай ловко спрятала глаза, отпивая чай. С Валерием Воркулем расслабляться не стоит, вся история их отношений показывала, что с ним Вере никогда не удавалось справиться так же легко, как со всеми прочими мужчинами в ее жизни, а было их ой как немало. Может быть, дело в том, что он не такой, как все, а может быть, в том, что его единственного она действительно любила. Когда-то. Много лет назад. Сейчас-то уже не любит. Но ведь любила же... И он уверен, что Вера любит его до сих пор.

– Ну ничего, – Валерий ободряюще улыбнулся, – уже апрель, вот-вот начнется сезон, народу прибавится. Но это неправильно, что ты пропадаешь, не звонишь

мне, Веруня. Неудачи – не повод для молчания. Неудачи у каждого бывают, но мы же с тобой вместе. И должны быть вместе. И будем вместе.

– Да, конечно. – Она рассеянно обвела глазами помещение, на секунду задержала взгляд на молодой женщине, расстилающей полотенце на лежаке, и с удовлетворением отметила, что у той, несмотря на возраст, уже отвисает животик и грудь потеряла упругость. Нет, никаких комплексов в этих Термах у Веры никогда не возникало, особенно в банях, где все голые. Это на улице и в модной одежде женщина может выглядеть так, как ей хочется, а здесь вся правда на виду. И правда эта такова, что по-настоящему хороших тел не так уж много, что у мужиков, что у баб. Даже у молодых. Откроешь модный журнал, и сразу появляется ощущение, что весь мир состоит исключительно из красивых людей, и ты на их фоне выглядишь не то уродцем, не то непонятно кем, а придешь сюда, в бани, где ничто от глаз не скрыто, ни вислые животы и груди, ни дряблые руки, ни целлюлитные бедра, ни некрасивая форма ягодич, и понимаешь, что «одетой» красоты в этом мире навалом, а вот натуральной – наищешься.

Так что Вера со своими аппетитными округлыми формами отнюдь не хуже других смотрится в свои сорок-то лет, а то и получше многих.

– И все-таки это неправильно, что ты здесь появился, – сказала она. – Это очень неосторожно. Нас не должны видеть вместе.

– Да глупости, солнышко, нас здесь никто и не увидит, – возразил Воркуль. – Мы же голые. И это бани. Здесь никто ни на кого не смотрит, никто никого не разглядывает, это не принято. Я потому и приехал именно сюда, а не к тебе домой, я же знаю, что ты бываешь в Термах три раза в неделю по утрам. Здесь абсолютно безопасно, поверь мне.

– Все равно ты не должен был приезжать без звонка, – упрямо повторила Вера. – Мало ли что... А вдруг я здесь... ну, не одна.

– А с кем? – удивился Валерий. – С этим твоим, как его... Ну, с этим, что ли?

– Да хотя бы и с ним, – сердито ответила она. – Мне совершенно не нужно, чтобы он ревновал.

– Не понимаю, чего ты за него цепляешься? Нашла сокровище.

– Не тебе судить, милый. Он по крайней мере рядом со мной всегда, когда мне нужно, а ты далеко, ты вообще в другой стране. Я же без языка здесь пропаду, ни один вопрос не решу. Знаю двадцать слов, но этого хватает только на то, чтобы делать покупки, да и то не все, а лишь самые простые.

– По-моему, проще выучить уже наконец немецкий, чем терпеть около себя всякую шваль. Тебе не приходило в голову, что я тоже могу ревновать?

– Ты умный, миленький, – Вера ласково улыбнулась, – для тебя выучить язык не проблема. А я глупая, мне языки не даются. Не сердись на меня. И потом, я знаю, ты не ревнив.

Она поставила на столик пустой стакан.

– Ну что, пойдём попаримся, раз уж я здесь? – предложил Валерий.

– Иди один. Не надо нам вместе...

– Вера, но я же объяснял тебе! – Он начал раздражаться.

– Я слышала. Но есть и другие соображения.

– Какие?

– Я работаю. Я делаю то, что должна. Ты ведь никогда не интересовался, как я это делаю.

– Так ты, что... здесь, что ли? – изумился он.

– И здесь тоже. А как ты думал, милый? Наш с тобой контингент обязательно приходит сюда, потому что сюда рано или поздно приходят все. Иногда они приходят в одиночестве, и тогда для меня это бессмысленно. Но иногда они приходят по двое, по трое, компаниями. И разговаривают. А у меня есть уши, и я слушаю. И если слышу то, что мне интересно, беру этого человека в работу.

Воркуль посмотрел на нее не то изучающе, не то с уважением, Вера толком не поняла. Ей никогда не удавалось правильно прочитывать его взгляды.

– Я думал почему-то, что ты только в казино...

Ну конечно, он думал. Он вообще ни о чем не думал, пока у Веры все получалось с завидной регулярностью. Примерно раз в два месяца ей удавалось найти то, что нужно, и Воркуля все устраивало. Раз в два месяца он получал деньги и был доволен и счастлив. А теперь вот уже пятый месяц пошел – и ничего. То есть это он так думает, что ничего. Вот и пусть думает, пусть считает, что у Веры наступила черная полоса. Не нужно ему знать правду. Если Вера до прошлой осени еще в чем-то сомневалась, то после поездки в Страсбург – всего сорок пять минут езды на машине от Баден-Бадена – все сомнения отпали. Теперь она будет играть по своим правилам.

Она протянула руку, погладила Воркуля по запястью.

– Иди, милый. И не подходи ко мне больше, хорошо? И не приезжай сюда, пока я сама не позову. У меня здесь налаженная жизнь, и если мой друг меня бросит, мне придется трудно. Женщина при мужчине – это одно, а одинокая женщина – это совсем другое. Это неправильное явление, которое вызывает пристальное внимание и всяческие пересуды. Русская диаспора здесь большая, и все друг друга знают.

– Но в гостиницу ко мне ты придешь? Я снял номер здесь неподалеку, прямо рядом с чешским рестораном.

– Валера, не искушай меня, – она улыбнулась печально и многозначительно. – Я тоже соскучилась по тебе, но дело есть дело. Иди попарься как следует, потом отдохни у себя в гостинице и уезжай.

– Вер, я люблю тебя...

– Я тоже тебя люблю. – Она мысленно поморщилась от фальши этих слов, потому что не только она его больше не любила, но и он ее тоже, и Вера об этом прекрасно знала. – Но все равно надо сделать так, как я говорю. Так будет лучше. Мы с тобой не в России, и наше русское «авось» здесь не срабатывает. Нам надо быть осторожными и предусмотрительными. Иди, милый.

Валерий поднялся вроде бы неохотно, но теперь Вера знала, что не может доверять собственным впечатлениям. Он актер ничуть не хуже ее самой. Высокий, все еще стройный, широкоплечий, хотя талия уже начала расплываться, да и брюшко наметилось. И волосы на груди седеют. Боже мой, как она его любила! Когда-то... А теперь что? Теперь он стоит перед ней почти совсем обнаженный, только полотенце вокруг бедер, а она ничего не чувствует, кроме брезгливого раздражения. Было время, когда такая картина не оставила бы ее равнодушной, но все ушло, все растворилось и превратилось даже не в свою противоположность, а в какую-то грязную вонючую лужу, в которую не то что босиком – в сапогах ступить противно. Мужчина, которого она так самозабвенно любила, уходил, а Вера с сожалением думала о том, что из пяти часов, которые она отвела себе на термально-банные удовольствия, полчаса оказались безвозвратно потерянными. Какая проза!

* * *

Восьмого апреля, в четверг, Настя Каменская вновь явилась на кафедру криминологии к своему научному руководителю профессору Городничему. Все произошло в точности так, как предсказывал Чистяков, и первый вариант обоснования темы диссертации и рабочей программы был разгромлен профессором в пух и прах. Особенно сурово бранил он Настю за то, что она неправильно определила цели и задачи исследования, его предмет и объект. Она молча терпела, сжавшись в комочек и сцепив пальцы, потому что насчет предмета и объекта все понимала, более того, дома, после нескольких часов мучений, сформулировала их совершенно по-другому, не так, как было написано в том варианте, что лежал сейчас перед Городничим. Сперва Лешка прочел ей краткую лекцию о том, чем отличается предмет исследования от объекта, а цели – от задач.

– Объект, Асенька, это круг изучаемых явлений, – говорил он, – а предмет – это связи и зависимости. Вот, к примеру, тема: «Влияние приливов и отливов в Черном море на рождаемость мышей». Объектом исследований будут приливы, отливы и численность популяции грызунов, а предметом – то, как состояние одних объектов зависит от состояния других.

Если переводить на понятный тебе язык математики, то объект – это значение показателя, а предмет – функция. Цель исследования – это конечный результат, задачи – это этапы, по которым ты движешься к цели, как по ступеням, поэтому

задачи должны быть логически последовательны и необходимы для достижения цели. Именно необходимы, то есть лишних задач, которые либо не ведут к цели, либо дублируют другие задачи, быть не должно. Изящество научной работы состоит в том числе и в ее лаконичности, в ней не должно быть ненужного груза.

Настя сначала веселилась, потому что Черное море и мыши – это смешно, потом стала предлагать варианты формулировок, пока не пришла к таким определениям, которые устроили требовательного и поднаторевшего в научной работе Чистякова.

– Все это замечательно, – констатировал он, прочтя обоснование и рабочую программу, – но для первого раза не пойдет.

– Как это – не пойдет? – возмутилась Настя. – Ты же сказал, что замечательно.

– То, что замечательно, годится только для третьего раза, в самом крайнем случае – для второго. Для первого раза это не пойдет, я ведь объяснял тебе, что и как. Ты хочешь выстроить нормальные отношения с научным руководителем?

– Хочу, – послушно кивнула Настя. – Только я не хочу по аптекам и дачам ездить, я хочу диссертацию написать и защитить.

– Ну, насчет аптек и дач – тут я тебе ничем не могу помочь, это уж от тебя самой зависит, как ты себя подашь. А если хочешь нормально обсудиться на кафедре и выйти на защиту, не строй из себя слишком умную. Перепиши цели, задачи, предмет и объект, чтобы твоему профессору было за что тебя покритиковать, а когда он начнет тыкать тебя носом в твои ошибки, кивай, благодари и кланяйся, задавай вопросы, выслушивай его объяснения и обещай все исправить. А уж во второй раз принесешь ему вот это, – Алексей потряс листками, которые держал в руке. – Хотя лучше бы, конечно, не во второй раз, а в третий, но ты у меня девушка нежная, двух сеансов несправедливой критики, пожалуй, не выдержишь.

И вот теперь Настя сидела в кабинете Городничего и покорно слушала его нелицеприятные высказывания в адрес подготовленных ею документов. Поразительно, но Лешка предугадал не только развитие событий, но даже отдельные фразы и словесные обороты. Неужели научное сообщество до такой степени однородно? Ведь у Лешки окружение – математики, технари, а здесь –

криминология, юриспруденция, одним словом, сплошная гуманитарщина. Чудеса какие-то! Ей было одновременно противно, немного обидно и очень смешно. Но улыбаться нельзя, надо быть серьезной и внимательной.

Аудиенция закончилась быстро, вероятно, профессор куда-то торопился. Следующий вариант обоснования и рабочей программы он велел принести в понедельник, потом посмотрел расписание, обнаружил, что в понедельник у него занятий нет и, стало быть, приходить на кафедру с утра не нужно, и назначил встречу на вторую половину дня. Время уходило, и Насте было жаль терять его на такие глупости. Она чуть было не сказала, что может все исправить уже к завтрашнему дню, но вовремя остановилась. Лешка этого не одобрит, а его надо слушаться, потому как он лучше понимает, как себя вести, чтобы нормально защититься. В конце концов, если она уверена в своей правоте, то что ей мешает начинать собирать материал, не дожидаясь, пока профессор одобрит формулировки?

Выйдя из помещения кафедры, Настя брела по длинным коридорам, стараясь на этот раз запомнить ориентиры, чтобы не плутать, как в прошлый раз. Откуда-то потянуло табачным дымом, и ей вдруг страшно захотелось закурить. Она пошла на запах, надеясь найти место для курения. Вот оно, на лестничной площадке, и табличка висит, и урна строит, а рядом с урной – невысокий пожилой мужчина в ладно сидящей форме с погонами полковника милиции. Он стоял спиной к Насте, но что-то в его фигуре и в посадке головы показалось ей давно знакомым. Особенно хорошо знакомой была «беломорина», зажатая в коричневых от никотина пальцах. Неужели?..

– Назар Захарович, – негромко окликнула она.

Мужчина повернулся, и Настя радостно кинулась к нему.

– Назар Захарович! Ой, как я рада! Вы меня помните?

– Настюха! Дочка! – задребезжал полковник Бычков своим неповторимым скрипучим голосом. – Это ж сколько лет я тебя не видел?

– Десять, – мгновенно ответила она. – Как с Петровки ушли, так мы с вами больше и не виделись. А вы теперь здесь?

– Угу, доцентом прикидываюсь, на кафедре оперативно-розыскной деятельности. А ты? Тоже сюда перебралась?

– Нет, я по-прежнему в конторе. А здесь в заочной адъюнктуре.

– У криминалистов?

– У криминологов.

– А чего так? – удивился Бычков. – Ты же розыскник, тебе самое место или на криминалистике, или у нас, на ОРД. Чего тебя на криминологию-то потянуло? Криминология – это для тех, кто пороху не нюхал и землю ногами не топтал, но ты-то не такая.

– Ой, Назар Захарович, долго рассказывать, – махнула рукой Настя. – У вас, наверное, времени нет меня слушать.

– Есть, – рассмеялся Назар Захарович, – вот чего-чего, а времени у меня навалом. Сама-то не торопишься?

– Я в отпуске.

– Тогда пойдем ко мне в кабинет, чайку попьем, ты мне все и расскажешь.

Кабинет у Бычкова был крохотным, но казался еще меньше, чем был на самом деле, из-за тесноты. Как на таком маленьком пространстве умещались два письменных стола, понять было невозможно, еще труднее было представить себе, как между столами и стеной может втиснуться человек, а ведь человек, судя по тому, что каждый стол имел еще и стул, все-таки здесь предполагался. И даже не один, а целых двое.

– Я сейчас здесь один, – приговаривал Назар Захарович, с немыслимой ловкостью протискиваясь за один из столов, – коллега уволился, на его место пока никого не взяли. Так что усаживайся за свободный стол, никто нам с тобой не помешает.

Он включил стоящий на подоконнике чайник и загремел чашками и блюдами, доставая их из нижнего ящика стола.

– Слыхала, какие разговоры ходят? Якобы нас всех собираются разаттестовывать, а все учебные заведения отдадут Министерству образования. Так что ты подумай, дочка, может, не стоит тебе заводитьсь с диссертацией, только время зря потратишь, а погоны все одно не сохранишь, если придешь на преподавательскую работу, – сказал Бычков, выслушав первую часть Настиной баллады о том, почему она поступила в адъюнктуру. – Я бы на твоём месте подумал о том, как уйти на повышение.

– Я не хочу на повышение, Назар Захарович. Пока я ловлю преступников, я в играх не участвую, потому что моя работа – это работа на результат, на поимку конкретного человека, и если я даю результат, то больше никто с меня ничего потребовать не может. Как только я уйду хотя бы на ступень выше, начнутся аппаратные игры, я буду просто обязана в них участвовать. А я этого не хочу. Я не игрок. Да и не возьмет меня никто, именно потому, что я не игрок.

– А здесь, ты думаешь, что? Другое что-то? – он презрительно сморщил нос. – Те же игрища. Народ пачками увольняется, никто работать не хочет за такую зарплату, если не дают возможности подработать. У нормального начальника кафедры все преподаватели подрабатывают в коммерческих вузах, и он смотрит на это сквозь пальцы, не требует, чтобы они каждый день тут высиживали с девяти до шести. Так нормальных-то раз-два и обчелся. А остальные? Есть приказ начальника нашей академии: если носишь погоны, будь любезен нести службу ежедневно с девяти до восемнадцати независимо от того, есть у тебя занятия по расписанию или нет. И никакой возможности для подработок. Кому такое понравится? Вот и уходят. А когда на кафедре только половина – живые люди, а другая половина – вакансии, что прикажешь делать? Слушателей-то набрали, потоки и группы сформировали, а занятия вести некому. Получается повышенная нагрузка, идет грызня, кому за кого сколько часов отрабатывать, а зарплату-то не прибавляют, хоть ты в пяти группах занятия ведешь, хоть в десяти. Ну и дальше одно на другое накладывается, научную работу вести некому и некогда, потому что занятий выше головы, а с кафедры требуют научные выходы, и все стараются друг на друга перепихнуть... Короче, не мед у нас тут, дочка, далеко не мед. Так что ты подумай как следует. Особенно если это правда насчет того, что погоны могут снять.

– Но ученая степень ведь не помешает, правда? – разочарованно спросила Настя.

– Это нет, – твердо ответил Бычков. – Степень никогда не помешает. Только ты на нее особо не надейся в смысле продолжения службы. А в смысле продолжения карьеры – вещь очень даже полезная. Чего ты на погонах-то заиклилась? Да сними ты их, плюнь, разотри и живи дальше!

– Но вы же не снимаете, – заметила она.

– Я! Я – мужик, то есть бывший мальчик, понимать должна. Для меня погоны – элемент офицерства, а все, что связано с военной службой и войной, у мальчиков в крови. Это генетическое, ничем не вытравишь. А ты-то девочка!

– Я, Назар Захарович, конечно, бывшая девочка, – усмехнулась Настя, – но я за двадцать один год прошла весь путь от лейтенанта до подполковника, и каждое свое звание получала честно. Генералом я стать никогда не хотела, таких амбиций у меня не было, но дослужиться до полковника хочется. По-моему, это естественно: когда так долго служишь, хочется пройти весь путь до конца, до последнего возможного звания и до максимально возможного возраста. Разве нет?

– Наверное, – пожал плечами Бычков. – Я уж не знаю, как там у вас, у девочек, в голове устроено... Кстати, есть еще один слушок, насчет нового положения о прохождении службы. Может статься, сроки службы увеличат, и подполковники будут служить подольше, чем сейчас. Ты не думай, я не отговариваю тебя диссертацию писать, просто я тебя по старой памяти люблю, потому что помню еще сопливой девчонкой, которую Гордеев из райотдела на Петровку перетащил, поэтому хочу, чтобы у тебя было меньше разочарований. Министра у нас официально пока еще нет, и точно никто не может сказать, назначат ли того, кто сейчас исполняет обязанности, или другого кого поставят. И вообще состав правительства пока не утвержден, поэтому какая будет политика в отношении органов внутренних дел и наших учебных заведений, неизвестно. Завтра все может коренным образом перемениться. И ты должна быть к этому готова. Да не вешай ты нос, – засмеялся он, видя, как у Насти вытянулось лицо, – кандидат наук – он и в Африке кандидат, диплом лишним не будет. И вообще, не относись так серьезно к тому, что я говорю, ты же знаешь, я постращать люблю. Расскажи-ка мне лучше, что за тему ты себе придумала.

Насте пришлось пропеть вторую часть своей баллады. Назар Захарович слушал очень внимательно, ни разу не перебил ее, только кивал, но ей показалось, что

кивал он одобрительно.

– Преступление – это зеркало ума и души преступника, – повторил он вслед за Настей, когда та замолчала. – Это ты верно подметила. Точнее будет сказать, что в каждом преступлении как в зеркале отражается личность преступника, и если отражения получаются разными, то у нас есть основания утверждать, что и объекты в этих зеркалах отражаются разные. Тут я с тобой полностью согласен. Ну, а материал как будешь собирать?

– Дела изучать, – Настя пожала плечами. – Анкету разработаю, буду заполнять на каждое изученное дело. Потом сравню параметры раскрытых и нераскрытых убийств. По преступлениям, где убийца установлен, проведу анализ характеристик его личности и попытаюсь связать их с особенностями преступления. А по преступлениям, где убийца не установлен, проделаю обратную работу, по особенностям преступления попытаюсь восстановить характеристики личности. И посмотрю, что получится.

– И уверена, что пойманные и непоиманные убийцы окажутся совершенно разными?

– Абсолютно уверена.

– М-да, – протянул Бычков, – это хорошо.

Непонятно было, что именно хорошо, то, что Настя уверена, или то, что убийцы окажутся разными.

– А монографические исследования не планируешь? – спросил он.

– Хотелось бы, – вздохнула она, – но не знаю, получится ли. Допустим, психолога, который будет со мной ходить и разговаривать с людьми, я найду. Володю Ларцева помните, из нашего отдела?

– Это которого комиссовали по ранению? Помню, конечно.

– Он мне поможет, я с ним уже говорила. Но будут ли люди со мной разговаривать? Вот вопрос. Для родственников убийцы я – враг номер один,

потому что я милиционер, то есть из рядов тех, кто отправил его срок мотать. Для родственников жертвы я враг хотя бы потому, что заставляю их вспоминать о горе. А уж если убийство осталось нераскрытым, то я тем более враг, потому что из рядов тех, кто не сумел поймать убийцу, и их горе осталось неотомщенным. И те и другие вряд ли с радостью пойдут на контакт со мной.

– Это верно, тут надо искать связи, знакомства, чтобы за тебя походатайствовали, попросили с тобой встретиться, иначе даже если они и будут разговаривать, то правды все равно не скажут. Особенно про потерпевших. Про покойников плохо говорить не принято, так что все жертвы у тебя окажутся одной краской выкрашены. Ты, наверное, не знаешь, но я ведь и сам... Короче, мою жену убили. Не знала?

– Нет, – растерялась Настя. – Я не знала. Давно?

– Кому как. Шесть лет назад. Да ты не бойся, я уже пережил это, могу спокойно говорить. Но если бы ты ко мне с расспросами пришла, я бы тебе тоже правды не сказал, хоть и знаю тебя много лет, и интерес твой понимаю. А все равно я бы тебе про нее только хорошее рассказывал. А кстати, – оживился внезапно Назар Захарович, – я, пожалуй, смогу тебе в одном случае помочь. У меня сын – врач, хирург, так вот пару лет назад в больнице, где он работал, убили медсестру из его отделения. Сейчас-то он в частной клинике людей режет, а тогда еще в горбольнице врачевал. Юрка, сын мой, хорошо убитую девушку знал, он сам может тебе многое про нее рассказать и с другими врачами и сестрами поговорит, чтобы они согласились с тобой побеседовать. Я думаю, он и с родителями ее сможет договориться, он с ними был знаком. Это ведь дело такое, дочка, главное – начать. Если все пройдет успешно и ты этих людей к себе расположишь, то дальше цепочка потянется. Знаешь ведь, как бывает? Ты, допустим, с врачом про эту медсестру разговариваешь, объясняешь, зачем тебе это нужно, а он говорит, что у него есть знакомый, у которого брата убили, или друга, или соседа. Главное, чтобы ты приходила не с улицы и не из милиции, а по рекомендации, тогда и отношение совсем другое.

– Спасибо, Назар Захарович, – от души поблагодарила Настя. – Я бы начала как можно быстрее, у меня отпуск всего два с половиной месяца, хотелось бы успеть побольше.

– Так я прямо сейчас Юрке позвоню. – Бычков потянулся к телефону.

Пока он звонил сыну, объяснял ему суть дела и излагал свою просьбу, Настя открыла лежащий на «ничейном» столе журнал «Милиция» и уткнулась в статью о передовых методах организации работы экспертно-криминалистических отделов. Статья была написана скучно, но фактура оказалась интересной.

– Слышь, дочка, – оторвал ее от статьи голос полковника, – если хочешь, Юрка с тобой готов прямо сегодня поговорить, он через час будет дома. Поедешь?

– Поеду.

– Она приедет, – сообщил Назар Захарович в трубку, – адрес я ей дам. А ты подумай пока, к кому из твоих бывших коллег ее можно направить. Ага, лады.

Он написал на бумажке адрес сына и подробно объяснил, где это находится и как проехать.

– Держи, – он протянул Насте сложенный пополам листок, – не потеряй. И вот еще что, дочка... Ты забыла, как раньше, когда я тебя уму-разуму учил, ты называла меня дядей Назаром?

– Помню, – улыбнулась Настя.

– А сейчас что же? Назар Захарович да Назар Захарович. А я ведь еще тогда предупреждал тебя, что терпеть этого не могу и что ты для меня на всю оставшуюся жизнь будешь дочкой, а я для тебя дядей Назаром. Забыла?

– Да нет, я помню, но мне неловко как-то. Тогда мне двадцать пять лет было, а сейчас почти сорок четыре.

– А мне плевать, ловко тебе или нет. Я живу так, как привык. И либо я буду тебе дядей Назаром, либо разговора не получится.

– Хорошо, дядя Назар, – рассмеялась Настя, – как скажете.

– Вот так и скажу, – сердито проворчал Бычков. – И еще у меня к тебе просьба будет. Деликатная. Ты, когда с Юркой моим разговаривать будешь... Одним словом, я случайно узнал, что та медсестра, которую убили, была ему... ну,

невестой, что ли. Теперь ведь такие отношения, что не поймешь ни черта, не то невеста, не то гражданская жена, не то временная подружка. Короче, между ними что-то серьезное было. Но это я узнал уже потом и от других людей. А Юрка мне ни словом об этом не обмолвился. Просто сказал однажды, что в отделении переполох, одна из сестер не вышла на работу и вообще никто не знает, где она, а спустя несколько дней, когда позвонил мне, сказал, что ее убили. Мы ведь давно уже живем отдельно, общаемся только по телефону, да и то не каждый день. Вот я и не пойму, почему он мне не сказал, что убили не просто медсестру в его отделении, а его девушку. Неужели не переживал ни капельки? Ведь я даже по голосу его не почувствовал, что у него горе. Или он не горевал? Тогда почему? В общем, я спрашивать не стал, подумал, что не надо мне в это лезть, он взрослый мужчина, живет отдельно, у него своя жизнь, и если он не счел нужным меня во что-то посвятить, то это его право. Но осадок остался. И знать хочется.

– Я понимаю, – тихо сказала Настя. – А убийцу-то нашли?

– Насколько я знаю, нет, – медленно ответил Назар Захарович, не глядя на нее. – Ты, дочка, сейчас ничего не говори, все самое плохое я уже и так подумать успел. Ты просто узнай все, что можешь.

* * *

Назар Захарович Бычков был одним из первых Настиных учителей в розыском деле, он вместе с Колобком-Гордеевым натаскивал ее, обучал мастерству, помогал анализировать ошибки и давал советы. И Настя искренне радовалась, что в академии нашелся человек, которого снова можно сделать своим учителем, спрашивать у него совета и просто плакаться в жилетку. Она давно уже не работала вместе с Бычковым, но никогда не забывала ни его самого, ни его уроки.

А вот встреча с сыном Быčkova, Юрием, ее озадачила. Он спокойно и добросовестно рассказывал ей о медсестре Танечке Шустовой, о ее характере, привычках, о том, какие мужчины ей нравились и каких подруг она выбирала, как относилась к работе, к коллегам и к больным, но не произнес ни одного слова, из которого можно было бы сделать вывод, что с Танечкой его связывало нечто большее, чем просто работа в одном хирургическом отделении. Может быть, Бычкову дали недостоверную информацию?

Пересказали какую-то сплетню, не имеющую ничего общего с действительностью, или просто ошиблись, или он что-то не так понял. Впрочем, если насчет Юрия и Танечки сведения верные, то узнать это совсем несложно, достаточно всего лишь взять в архиве дело и посмотреть, а можно и еще проще: поговорить с другими врачами и сестрами той больницы, наверняка кто-то что-то знает. Но если о связи доктора Бычкова и медсестры Шустовой знали хотя бы несколько человек, то какой смысл делать из этого секрет? Тем более теперь, когда прошло больше двух лет. И тем более скрывать это от отца.

Спрашивать Юрия в лоб Настя не решилась. Юрий при ней позвонил по нескольким телефонам и договорился со своими бывшими коллегами по отделению, которые согласились встретиться с Настей. Было еще не поздно, всего семь вечера, и доктор Аверина, жившая в том же районе, что и Настя, выразила готовность уделить Каменской немного времени. Она хорошо помнила погибшую медсестру.

Нина Семеновна Аверина оказалась высокой полной дамой с громоподобным голосом, выпуклыми глазами и торчащими во все стороны сидящими космами. Эдакая раскормленная Баба-яга, из которой энергия просто бьет ключом.

– Ужасная история, просто ужасная, – приговаривала она, усаживая Настю в маленькой, заставленной мебелью, но очень уютной комнате. – Юрий Назарович объяснил мне в общих чертах, что вас интересует, поэтому я не буду вам говорить, какая Таня была чудесная и как ее все любили. Это неправда. Она была очень сложным человеком, и в отделении ее не любили. Она со всеми конфликтовала. Но в том, что касалось больных, никаких претензий. Ни малейших! Блестящий профессионал, и больных жалела, и их родственников. А вот к коллегам была совершенно безжалостна, не прощала небрежности, промахов и ошибок, ни на что не закрывала глаза и из-за каждой мелочи поднимала скандал. Только один Юрий Назарович и мог с ней мириться.

– У них что, был роман? – осторожно спросила Настя.

– Ну разумеется. – Нина Семеновна пожала пышными плечами. – Об этом все знали. По-моему, они даже жили вместе. А что, Юрий Назарович вам этого не говорил?

– Нет.

– Странно, – покачала головой Аверина. – Чего тут скрывать? Он был не из тех врачей, которые стесняются связи с сестрами. И потом, у них все было серьезно, он даже был представлен Таниным родителям.

– Это точно? Вы не путаете?

– Да нет, что тут путать-то? Я хорошо помню, как однажды он с утра жаловался на головную боль и говорил, что накануне у Таниного отца был юбилей, не то сорок пять лет, не то пятьдесят, и он там немножко перебрал со спиртным. Нет, я это совершенно отчетливо помню.

Ну совсем интересно! А ведь когда Настя спросила Юрия, не может ли он устроить ее знакомство с родителями убитой девушки, он твердо заявил, что не знаком с ними и вряд ли его рекомендация будет иметь силу. Более того, он сказал, что ничего о них не знает, ни где они живут, ни чем занимаются, и вообще не знает, какая у Татьяны была семья.

Зачем же так бессмысленно врать? Ведь он должен был предположить, что если Настя начнет разговаривать с другими врачами и сестрами, то правда все равно вылезет. Или понадеялся на то, что никто не вспомнит, а если и вспомнит, то не сочтет важным и не скажет? Все равно глупо. Но даже у глупых поступков всегда есть причина, и причина эта вот уже два года является для Назара Захаровича поводом для беспокойства. Как он сказал? «Все самое плохое я уже и так подумать успел...» Неужели подозревает собственного сына в причастности к убийству? Да, наверное.

Тем более убийство-то не раскрыто. Подозревает, но точно знать не хочет. Или хочет, но боится узнать такую правду, которая ему не понравится. И хочется, и колется...

– И потом, – продолжала между тем Нина Семеновна, – я очень хорошо помню тот день, когда Таня не вышла на работу. Юрий Назарович ночью дежурил, я пришла как обычно в половине девятого, а к девяти – слышу, разговоры пошли, что Шустова опаздывает и та сестричка, которая всю ночь отдежурила, домой уйти не может. Ну, я вам уже говорила, Таню в отделении не любили, она ведь всегда шум поднимала, когда кто-то опаздывал, поэтому народ начал злорадствовать, мол, теперь и безупречную Шустову можно попинать за нарушение трудовой дисциплины. Так вот, я сама, своими ушами слышала, как

Юрий Назарович звонил ее родителям. Оказывается, Таня накануне вечером была у них и часов около одиннадцати звонила Бычкову и сказала, что выезжает.

– Куда выезжает?

– Ну как куда, к Бычкову, надо полагать, она же у него жила. А тут как раз по «Скорой» доставили тяжелого больного с перитонитом, Юрий Назарович с ним до середины ночи провозился, поэтому больше с Таней не перезванивался. Дома у него трубку никто не брал, ну, все решили, что она просто проспала и поздно выехала, прождали еще час, но она так и не появилась. Тогда Юрий Назарович уехал домой, а потом позвонил в отделение и сказал, что Таня у него не ночевала. То есть от родителей она уехала, а к Бычкову так и не приехала. Тут уж мы поняли, что дело неладно, и стали звонить в милицию. Так что можете не сомневаться, и жили они вместе, и с родителями ее он был знаком. Странно все-таки, что он вам этого не сказал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/aleksandra-marinina/voyuschie-psy-odinochestva>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)